

John R.R. Tolkien

Hobbit

Джон Р.Р. Толкин

Хоббит

в переводе
А. Грузберга

Легендариум Средиземья

Джон Толкин

Хоббит

«Издательство АСТ»

1937

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Толкин Д. Р.

Хоббит / Д. Р. Толкин — «Издательство АСТ»,
1937 — (Легендариум Средиземья)

ISBN 978-5-17-145499-9

«В земле была нора, а в норе жил хоббит». Эти слова написал Джон Рональд Руэл Толкин на обороте школьной экзаменационной работы, которую проверял одним жарким летним днем. И кто бы мог подумать, что именно из них, как из волшебного зернышка, произрастет одно из самых известных произведений мировой литературы... В данное издание вошел перевод А. Грузберга.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-145499-9

© Толкин Д. Р., 1937
© Издательство АСТ, 1937

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	27
Глава четвертая	32
Глава пятая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Джон Рональд Руэл Толкин

Хоббит

J.R.R. Tolkien

THE HOBBIT

© The Tolkien Estate Limited, 1937, 1965

© Перевод. А. Грузберг, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Глава первая

Неожиданный прием

В земляной норе жил хоббит. Не в отвратительной, грязной, мокрой норе, полной хвостами червей и запахом плесени, но и не в сухой, голой, песчаной норе, в которой не на что сесть и нечего съесть: это была хоббичья нора, а хоббичья нора означает удобства.

У нее была прекрасная круглая дверь, похожая на иллюминатор, выкрашенная зеленой краской, со сверкающей желтой медной ручкой в самой середине. Дверь вела в проход, напоминающий туннель, очень удобный туннель, без дыма, со стенами, крытыми деревом, с полом из плиток, покрытым ковром; в туннеле стояло множество полированных стульев, а на стенах – колышки для шляп и плащей: хоббиты любят гостей. Туннель, извиваясь, уходил в глубину, он углублялся в холм – просто Холм, как называли его на много миль в округе, и по обе стороны его располагалось множество маленьких круглых дверей, сначала в одну сторону, потом в другую. У хоббитов не бывает вторых этажей: спальни, ванны, погреба, кладовые (множество кладовых), гардеробные (у нашего хоббита много помещений было отведено под одежду), кухни, столовые – все это располагалось на одном этаже и в сущности в одном и том же туннеле. Лучшие комнаты располагались слева (если смотреть от входа), потому что только у них были окна, глубоко посаженные круглые окна, выходящие в сад и на луг за садом, который уходил вниз к реке.

Хоббит был очень преуспевающим, зажиточным хоббитом, и звали его Бэггинс. Бэггинсы жили в окрестностях Холма с незапамятных времен и считались очень уважаемыми, не только потому, что большинство их было богато, а потому, что у них никогда не бывало приключений и они не делали ничего неожиданного: ответ Бэггинса на любой вопрос можно было знать заранее, не трудясь спрашивать. Это рассказ о том, как у Бэггинса случилось приключение и ему пришлось говорить и делать нечто совершенно неожиданное. Он мог утратить уважение соседей, но приобрел – что ж, в конце вы сами решите, приобрел ли он что-нибудь.

Мать нашего хоббита – но кто такой хоббит? Мне кажется, в наши дни хоббиты нуждаются в описании, потому что встречаются редко и сторонятся Большого Народа, как они называют нас. Это маленькие человечки (или были маленькими человечками), меньше гномов (и бород у них нет), но гораздо больше лилипутов. Они совсем или почти совсем не владеют волшебством, кроме самого обычного повседневного, которое помогает им тихо и быстро исчезать, когда появляются большие глупые люди, как вы или я, со слоновьим топотом, который можно слышать за милю. У хоббитов обычно круглые животики; одеваются они ярко (главным образом в зеленые и желтые цвета); не носят обувь, потому что на ступнях у них природные прочные подошвы, а ноги поросли густой теплой коричневой шерстью, как и их головы (шерсть эта курчавится); у них длинные искусные коричневые пальцы, добродушные лица, и смеются они глубоко и сочно (особенно после обеда, который у них бывает дважды в день, если только это возможно). Теперь вы знаете достаточно, чтобы я мог продолжать. Как я уже начал, мать нашего хоббита – Бильбо Бэггинс – была знаменитая Белладонна Тук, одна из трех замечательных дочерей Старого Тука, главы хоббитов, которые жили за Водой, небольшой речкой, пробегавшей у подножия Холма. Всегда говорили, что Туки иногда соединялись с семьями фей (менее дружелюбно настроенные упоминали семьи гоблинов), и поэтому в них было что-то не совсем хоббичье, а время от времени кто-нибудь из Туков отправлялся на поиски приключений. Такие хоббиты незаметно исчезали, и семья старалась замаять это происшествие, но факт оставался фактом: Туки были не так уважаемы, как Бэггинсы, хотя, несомненно, богаче их.

Конечно, у Белладонны Тук не было никаких приключений после того, как она стала миссис Банго Бэггинс. Банго, отец Бильбо, выстроил для нее (и частично на ее деньги) самую роскошную хоббичью нору, какую только можно было найти под Холмом, за Холмом или за Водой, и в ней они жили до конца дней. Но, вероятно, в Бильбо, единственном сыне Белладонны, хотя он и выглядел и вел себя точно как второе издание своего основательного невозмутимого отца, все же было что-то необычное, унаследованное от Туков, и только ждало возможности проявиться. Но такой возможности не было, пока Бильбо не вырос. Теперь ему было около пятидесяти лет, и он жил в прекрасной хоббичьей норе, построенной его отцом, которую я только что описал, и, по-видимому, никуда не собирался переезжать.

Но по какому-то странному случаю, давным давно, в тишине мира, когда было меньше шума и больше зелени, когда хоббиты были еще многочисленны и процветали, а Бильбо Бэггинс стоял после завтрака у своей двери и курил длинную деревянную трубку, которая достигала ему почти до самых волосатых ног (аккуратно причесанных), – появился Гандалв. Гандалв! Если вы слышали только четверть того, что слышал о нем я – а я слышал только очень небольшое из того, что можно о нем услышать, – вы готовы к самым замечательным историям. Там, где он проходил, расцветали приключения и самые удивительные рассказы. Он очень давно не показывался под Холмом, с тех пор, как умер его друг Старый Тук, и хоббиты почти забыли, как он выглядит. Гандалв ушел по каким-то своим делам за Холм и за Воду еще тогда, когда все они были хоббичьими мальчишками и девчонками.

И ничего не подозревавший Бильбо увидел в то утро только небольшого роста старика в высокой заостренной синей шляпе, в длинном сером плаще, с серебристым шарфом, поверх которого лежала длинная белая борода, спускающаяся ниже пояса, и в огромных черных сапогах.

– Доброе утро! – сказал Бильбо, и сказал совершенно серьезно. Солнце сияло, трава зеленела. Но Гандалв посмотрел на него из-под длинных кустистых бровей, которые выступали за края его шляпы с большими полями.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил он. – Хочешь пожелать мне доброго утра или утверждаешь, что утро доброе, хочу я того или нет? Или говоришь, что сегодня утром все должны быть добрыми?

– Все это сразу, – ответил Бильбо. – И, кстати, отличное утро, чтобы выкурить на свежем воздухе трубочку. Если у вас есть с собой трубка, присаживайтесь и покурите моего табачка. Торопиться некуда, перед нами весь день! – С этими словами Бильбо сел на скамью у двери, скрестил ноги и выпустил прекрасное серое дымовое кольцо, которое, не разрываясь, поднялось в воздух и поплыло над Холмом.

– Прекрасно! – сказал Гандалв. – Но сегодня утром у меня нет времени выпускать кольца. Я ищу кого-нибудь, чтобы поучаствовал в приключении, которое я как раз организую, и так трудно найти желающего.

– Еще бы – в нашей местности! Мы тихий спокойный народ, и нам не нужны приключения. Они такие неприятные, тревожные и неудобные! Из-за них опаздываешь на обед! Не понимаю, что в них находят, – сказал мистер Бэггинс, сунул большой палец за подтяжку и выпустил новое дымовое кольцо, еще большее. Потом взял письма, пришедшие с утренней почтой, и начал читать, делая вид, что больше не замечает старика. Бильбо решил, что старик ему не нравится, и захотел, чтобы тот ушел. Но старик не пошевелился. Он молча стоял, опираясь на посох и глядя на хоббита, пока Бильбо не почувствовал себя неловко и даже слегка рассердился.

– Доброе утро! – сказал он наконец. – Нам здесь не нужны приключения, нет, спасибо! Можете попробовать за Холмом или даже за Водой. – Этим он хотел сказать, что разговор окончен.

– Для многого же ты используешь «Доброе утро»! – ответил Гандалв. – На этот раз оно означает, что ты хочешь от меня избавиться и что не будет ничего хорошего, пока я не уйду.

– Вовсе нет, вовсе нет, мой дорогой сэр! Позвольте, я, кажется, не знаю вашего имени?

– Да, да, мой дорогой сэр! А я как раз твоё имя знаю, мистер Бильбо Бэггинс. Да и ты моё имя знаешь, хотя не помнишь, что это имя принадлежит мне. Я Гандалв, а Гандалв – это я. Подумать только, сын Белладонны Тук говорит мне доброе утро, как будто я продаю у его дверей пуговицы!

– Гандалв, Гандалв! Боже милостивый! Неужели тот бродячий колдун, что подарил Старому Туку пару волшебных бриллиантовых запонок, которые сами застегивались и не расстегивались без приказа? Тот самый, что рассказывал на вечеринках такие удивительные истории о драконах, и гоблинах, и великанах, и об освобождении принцесс, и о неожиданном счастье сыновей вдов? Тот самый, что делал такие великолепные фейерверки? Я их помню! Старый Тук устраивал их в канун Иванова дня. Восхитительно! Они вырастали как огненные лилии, и львиный зев, и раKITник и весь вечер висели в сумерках! – Вы, наверно, уже заметили, что мистер Бэггинс совсем не такой прозаичный, каким хотел себя считать, а также что он очень любит цветы. – Тот самый Гандалв, из-за которого множество спокойных парней и девушек уходили в Синеvu за безумными приключениями: все что угодно – от карабканья на деревья до попытки пробраться зайцем на корабль, который плывет на Ту Сторону? Боже ты мой, жизнь была такой интер... я хочу сказать, что когда-то вы очень тревожили нашу тихую жизнь. Прошу прощения, но я не знал, что вы все ещё занимаетесь делами.

– А чем ещё мне заниматься? – спросил колдун. – Но все равно я рад, что ты кое-что обо мне помнишь. Ты, похоже, с удовольствием вспоминаешь мои фейерверки, так что не все потеряно. Ради твоего деда Старого Тука и ради бедной Белладонны я дам тебе то, о чем ты просишь.

– Прошу прощения, но я ни о чем не просил!

– Нет, просил! И даже дважды! Мое прощение. Даю его тебе. Больше того, я зайду так далеко, что отправлю тебя за приключениями. Мне это забавно, а тебе полезно – и, весьма вероятно, ещё и выгодно, если, конечно, ты их переживешь.

– Простите! Мне не нужны никакие приключения, спасибо. Не сегодня. Доброе утро! Но заходите на чай – в любое время! Почему бы вам не зайти завтра? Приходите завтра! До свидания! – С этими словами хоббит повернулся, нырнул в свою круглую зеленую дверь и закрыл ее так быстро, как только посмел, чтобы не показаться грубым. В конце концов колдуны – это колдуны.

– Чего ради я его пригласил на чай? – спросил он самого себя, отправляясь в кладовую. Бильбо только что позавтракал, но решил, что несколько кусочков торта или печенья и глоток чая полезны для него после пережитого испуга.

А Гандалв тем временем стоял у двери и смеялся, долго, но негромко. Немного погодя он подошел и концом своего посоха нацарапал на прекрасной зеленой входной двери хоббита какой-то странный знак. И ушел как раз в тот момент, когда Бильбо приканчивал второй кусок торта и думал, что благополучно избежал приключений.

На следующий день он почти забыл о Гандалве. Он вообще не очень хорошо запоминал события, если только не записывал в своем расписании. Что-то вроде: Гандалв, чай в среду. Вчера он для этого был слишком взволнован.

Но как раз перед тем, как пить чай, кто-то громко позвонил в дверной звонок, и тут Бильбо вспомнил! Он бегом отправился на кухню, поставил на огонь чайник, поставил на стол ещё одну чашку и блюдо, добавил два куса печенья и побежал к двери.

– Простите, что заставил вас ждать! – собирался он сказать, но тут увидел, что это вовсе не Гандалв. На пороге стоял гном с синей бородой, заткнутой за золотой пояс, и глаза его

из-под темно-зеленого капюшона горели очень ярко. Как только дверь приоткрылась, гном протиснулся в нее, как будто его ожидают.

Он повесил свой плащ с капюшоном на ближайший колышек и с низким поклоном произнес:

– Двалин, к вашим услугам!

– Бильбо Бэггинс – к вашим! – ответил хоббит, слишком удивленный, чтобы задавать в этот момент вопросы. Когда последующая тишина слишком затянулась, он добавил: – Я собирался пить чай, выпейте со мной. – Немножко напряженно, может быть, но искренне. А вы что бы сделали, если бы без приглашения к вам явился гном и, не сказав ни слова в объяснение, повесил свою одежду у вас в прихожей?

Они недолго просидели за столом, в сущности едва добрались до третьей порции печенья, как снова раздался звонок, еще громче.

– Прошу прощения! – сказал хоббит и направился к двери.

– Вот и вы наконец! – хотел он сказать на этот раз Гандалву. Но это опять был не Гандалв. Напротив, на крыльце стоял очень старый гном с седой бородой и в алом капюшоне; и он тоже прошел внутрь, как только дверь отворилась, словно явился по приглашению.

– Вижу, они уже начали собираться, – сказал он, увидев висящий плащ Двалина с зеленым капюшоном. Гном повесил свой красный плащ рядом с первым и сказал, прижав руку к груди:

– Балин, к вашим услугам!

– Спасибо! – ахнув, ответил Бильбо. Конечно, полагалось сказать не это, но «они уже начали собираться» произвело на него нехорошее впечатление. Бильбо любил гостей, но предпочитал знакомиться с ними до их появления и хотел бы приглашать их сам. У него появилась ужасная мысль, что печенья может не хватить, а он – хозяин: Бильбо понимал свой долг и выполнял его, как бы ни было трудно, – ему придется обойтись без печенья.

– Заходите и выпейте чаю, – умудрился все же сказать он, переводя дыхание.

– Мне бы лучше немного пива, если вам все равно, мой добрый сэр, – сказал белобородый Балин. – Но против печенья я не возражаю – печенье с тмином, если у вас оно есть.

– Сколько угодно, – к собственному удивлению, услышал Бильбо свой ответ; он обнаружил, что бежит в погреб за пинтой пива, потом в кладовую за двумя прекрасными круглыми тминными тортами, которые испек себе на сладкое после обеда.

Когда он вернулся, Двалин и Балин сидели за столом и разговаривали как старые друзья (на самом деле они были братьями). Бильбо поставил перед ними пиво и торты, но тут в дверь снова громко зазвонили, потом еще раз.

«На этот раз, конечно, Гандалв», – думал Бильбо, когда, отдуваясь, торопился по туннелю. Но это был не Гандалв. На пороге стояли два гнома, каждый в синем капюшоне, с серебряными поясами и желтыми бородами; и каждый нес сумку с инструментами и лопату. Как только дверь отворилась, они заскочили внутрь – на этот раз Бильбо даже не удивился.

– Чем могу быть полезен, мои гномы? – спросил он.

– Кили, к вашим услугам! – сказал один.

– И Фили! – добавил другой; оба скинули свои капюшоны и поклонились.

– К услугам вашим и вашего семейства! – ответил Бильбо, на этот раз вспомнив о приличиях.

– Я вижу, Двалин и Балин уже здесь, – сказал Кили. – Присоединимся к толпе!

«К толпе! – подумал мистер Бэггинс. – Мне это совсем не нравится. Нужно посидеть с минуту, собраться с мыслями и выпить». Не успел он сделать глоток – в уголке, пока гномы сидели за столом и говорили о шахтах, и о золоте, и о неприятностях с гоблинами, и о притеснениях со стороны драконов, и о многом другом, чего хоббит не понял и не хотел понимать,

потому что звучало слишком похоже на приключения, как – динь-динь-динь – снова прозвучал звонок, как будто хоббитенок-хулиган тянет за ручку.

– Кто-то у двери! – сказал Бильбо мигая.

– Четверо, судя по звуку, – заметил Фили. – Да мы видели, как они подходят.

Бедный маленький хоббит сел в коридоре, обхватил голову руками и задумался, что случилось, и что еще случится, и останутся ли они все на ужин. Но тут звонок зазвучал еще громче, и Бильбо побежал к двери. На пороге было вовсе не четверо, а ПЯТЕРО. Пока он размышлял в коридоре, подошел еще один. Не успел хоббит повернуть дверную ручку, как все оказались внутри, с поклонами и словами «к вашим услугам» – один за другим. Звали их Дори, Нори, Ори, Ойн и Глойн; и очень скоро на колышках висели два фиолетовых капюшона, и серый капюшон, и коричневый капюшон, и белый капюшон, а гномы, сунув широкие ладони под золотые и серебряные пояса, присоединились к остальным. Уже стало похоже на толпу. Кто-то просил эля, другой – портера, еще один – кофе, и все вместе – печенья; так что какое-то время хоббит был очень занят.

На очаг поставили большой кофейник, тминные торты кончились, гномы только приступили к лепешкам с маслом, когда в дверь громко застучали. Не зазвонили, а четко застучали по прекрасной зеленой двери хоббита. Кто-то колотил по ней палкой!

Бильбо, страшно рассердившись, но и в замешательстве, побежал по коридору – такой нелепой среды он и не припомнит. Он рывком распахнул дверь, и они все упали, один на другого. Еще гномы, целых четверо! А за ними Гандалв, который опирался на свой посох и смеялся. Он сделал своим посохом отметину на прекрасной двери; но одновременно сбил знак, который оставил накануне утром.

– Осторожно! Осторожно! – сказал он. – Не похоже на тебя, Бильбо, заставлять друзей ждать на пороге, потом так неожиданно открывать дверь! Позволь представить тебе Бифура, Бофура, Бомбура и особенно Торуна!

– К вашим услугам! – сказали Бифур, Бофур и Бомбур, становясь в ряд. Затем они повесили два желтых капюшона и один светло-зеленый; а также небесно-голубой с длинной кисточкой. Этот последний капюшон принадлежал Торуна, невероятно важному гному. На самом деле это был не кто иной, как сам Торин Оукеншилд, которому совсем не понравилось, что он упал на пороге Бильбо, а на него навалились Бифур, Бофур и Бомбур. Особенно Бомбур, невероятно толстый и тяжелый. Торин был очень высокомерен и ничего не сказал об услугах; но бедный мистер Бэггинс столько раз извинялся, что Торин наконец буркнул «не стоит» и перестал хмуриться.

– Ну, теперь все на месте! – сказал Гандалв, оглядывая ряд из тринадцати капюшонов – лучших отстежных капюшонов для хождения в гости – и вешая свою собственную шляпу на колышек. – Какое веселое сборище! Надеюсь, опоздавшим найдется что поесть и выпить! Что это? Чай! Нет, спасибо! Я думаю, мне подойдет немного красного вина.

– И для меня, – сказал Торин.

– А еще малинового варенья и яблочный торт, – сказал Бифур.

– А также сладкого пирога и сыра, – сказал Бофур.

– Мясного пирога с салатом, – сказал Бомбур.

– И еще тортов и печенья... и эля... и кофе, если не возражаете, – один за другим говорили гномы.

– И будь добр, добавь несколько яиц! – крикнул Гандалв вслед убежавшему в кладовую Бильбо. – А еще прихвати холодных цыплят с помидорами!

«Похоже, он лучше меня знает содержимое моей кладовки!» – подумал мистер Бэггинс, который чувствовал себя совершенно сбитым с толку; ему начало казаться, что самое удивительное приключение уже перешагнуло порог его дома. К тому времени как он нагрузил большие подносы бутылками, и тарелками, и ножами, и вилками, и стаканами, и блюдами, и

ложками, и всем прочим, ему стало очень жарко, он покраснелся и чувствовал себя раздраженным.

– Чтоб им объесться и обпитья, этим гномам! – вслух сказал он. – Почему они мне не помогут? – И не успел он это сказать, как у дверей кухни стояли Балин и Двалин, а за ними Фили и Кили, и не успел Бильбо произнести «нож», как они унесли подносы и несколько маленьких столиков в гостиную и все там расставили.

Гандалв сел во главе стола; вокруг расселись тринадцать гномов; Бильбо присел на стул у камина, жуя печенье (у него пропал аппетит) и стараясь выглядеть так, словно все идет как обычно и нисколько не похоже на приключение. Гномы ели и ели, разговаривали и разговаривали, а время шло. Наконец все отодвинули стулья, и Бильбо собрался убирать тарелки и стаканы.

– Надеюсь, вы останетесь на ужин? – спросил он самым вежливым, но ненастойчивым тоном.

– Конечно! – ответил Торин. – И после него. Делом заниматься еще рано, сначала немного музыки. А теперь очистите стол!

Тут же двенадцать гномов – не Торин, он был слишком важен и остался разговаривать с Гандалвом – вскочили и собрали все со стола. Вышли, не беря подносы, неся в одной руке на весу груды тарелок, с бутылкой у каждого вверху, а хоббит вслед им кричал в страхе: «Пожалуйста, осторожней!» и «Пожалуйста, не тревожьтесь! Я сам». Но гномы уже запели.

*Бейте стаканы и тарелки!
Тупите ножи и гните вилки!
Вот что не нравится Бильбо Бэггинсу —
Разбивайте бутылки и жгите пробки!*

*Рвите скатерть и заливайте жиром!
Лейте молоко на пол кладовки!
Оставляйте кости в постели!
Заливайте вином все двери!*

*Бейте горшки в кипящем котле;
Разбивайте их палкой;
А если, когда закончите, что-нибудь останется целым,
Пустите по коридору катиться!*

*Вот чего не любит Бильбо Бэггинс!
Поэтому осторожней, осторожней с тарелками!*

Конечно, ничего такого ужасного они не делали, и все было убрано невредимо и быстро, как молния, а хоббит тем временем вертелся на кухне по всем сторонам, пытаясь увидеть, что они делают. Затем все вернулись в гостиную и обнаружили там Торуна, который поставил ноги на каминную решетку и курил трубку. Он выдувал огромные кольца, и, куда приказывал им лететь, туда они и летели – к верху камина, или за часы на каминной полке, или под стол, или вокруг и вокруг потолка, но куда бы ни направлялись кольца, они не успевали уйти от Гандалва. Паф! – он просыпал меньшее кольцо дыма из своей глиняной трубки прямо сквозь одно из колец Торуна. После этого дымовое кольцо Гандалва зеленело и возвращалось, повиснув над головой колдуна. Над ним уже было целое облако таких колец, и выглядел он очень колдовски. Бильбо стоял и смотрел – он сам любил пускать кольца, потом покраснел, подумав, как еще вчера гордился своими кольцами, которые пускал по ветру над Холмом.

– Теперь пора заняться музыкой! – сказал Торин. – Принесите инструменты!

Кили и Фили бросились к своим мешкам и извлекли из них маленькие скрипки; Дори, Нори и Ори откуда-то из-под плащей достали флейты; Бомбур принес из коридора барабан; Бифур и Бофур тоже вышли и вернулись с кларнетами, которые оставили среди посохов. Два-лин и Балин сказали:

– Простите, я оставил свою на пороге!

– Прихватите с собой и мою, – сказал Торин. Они вернулись с виолами с себя размером и с арфой Торина, закутанной в зеленую ткань. Это была прекрасная позолоченная арфа, и как только Торин коснулся ее струн, сразу зазвучала музыка, такая неожиданная и сладкая, что Бильбо обо всем позабыл, его унесло в темные земли под незнакомыми лунами, далеко за Воду и очень далеко от хоббичьей норы под Холмом.

Тьма вошла в комнату из маленького окна, которое выходило на склон Холма; замигал огонь в камине – все еще стоял апрель, – а они продолжали играть, и тень от бороды Гандалва раскачивалась на стене.

Тьма заполнила все комнаты, огонь погас, тени смешались, а они все продолжали играть. И вдруг вначале один, потом другой запели; играя, они пели низкими голосами песни, которые гномы поют глубоко под землей, в своих древних жилищах; и вот кусочек их песни, если ее можно представить себе без музыки.

*Далеко за холодные туманные горы,
В глубокие подземелья и древние пещеры
Должны мы уйти до начала дня,
Чтобы искать светлое зачарованное золото.*

*Гномы бывшего произносили могучие заклинания,
А молоты стучали, как звонкие колокола,
В глубоких подземельях, где спят обитатели тьмы,
В пустотах под горами.*

*Для древних королей и эльфских лордов
Множество сверкающих золотых сокровищ
Делали и выковывали они, и ловили свет,
Чтобы спрятать его в рукояти меча.*

*На серебряных ожерельях они высекали
Расцветающие звезды, на короны подвешивали
Драконье пламя, в изогнутой проволоке
Смешивали огонь луны и солнца.*

*Далеко за холодные туманные горы,
В глубокие подземелья и древние пещеры
Должны мы уйти до начала дня,
Чтобы потребовать наше давно забытое золото.*

*Кубки они выковывали для себя
И золотые арфы; теперь они лежат там,
Где не был ни один человек, и много песен
Было спето, не слышанных ни людьми, ни эльфами.*

*Сосны шумели на вершинах,
Ветры стонали ночью.
Огонь покраснел, пламя распространялось;
Деревья вспыхивали, как факелы.*

*Колокола звонили в долине,
И люди поднимали побледневшие лица;
Гнев дракона, свирепей огня,
Упал на их башни и хрупкие дома.*

*Гора дымилась под луной;
Гномы услышали поступь судьбы.
Они бежали из своих залов, бежали от смерти,
Которая была у них под ногами, под луной.*

*Далеко за туманные мрачные горы,
В глубокие темницы и тусклые пещеры
Должны мы уйти до рассвета дня,
Чтобы отобрать у дракона наши сокровища,
наше золото!*

И в их песне хоббит ощутил любовь к прекрасным вещам, сделанным искусными руками и волшебством, почувствовал яростную и ревнивую любовь, желание, живущее в сердцах гномов. И тут в душе его проснулось что-то от Тука, и он захотел пойти и увидеть большие горы, и услышать шелест сосен и шум воды в водопадах, и исследовать пещеры, и носить не посох, а крепкий меч. Бильбо посмотрел в окно. На темном небе над деревьями видны были звезды. Он думал о драгоценностях гномов, сверкающих в темных пещерах. Неожиданно в лесу за водой вспыхнуло пламя – наверно, кто-то разжег костер, и Бильбо представил себе, как дракон опускается на его мирный Холм и поджигает его. Он вздрогнул и очень быстро снова стал просто мистером Бильбо Бэггинсом из Бэг-Энда, что под Холмом.

Он дрожа встал. Бильбо не знал, что ему делать: то ли разжечь лампу, то ли спрятаться за бочками в погребе и сидеть там, пока не уйдут все гномы. Неожиданно он обнаружил, что музыка и пение смолкли, и теперь все смотрят на него сверкающими в темноте глазами.

– Куда вы? – спросил Торин таким тоном, будто догадывался о колебаниях хоббита.

– Нельзя ли принести лампу? – виновато спросил Бильбо.

– Нам нравится темнота, – ответили гномы. – Тьма подходит для темных дел. До рассвета еще много часов.

– Конечно! – согласился Бильбо и торопливо сел. Он промахнулся мимо стула и сел на решетку, со стуком уронив кочергу и совок.

– Тише! – сказал Гандалв. – Пусть говорит Торин! – И Торин начал так.

– Гандалв, гномы и мистер Бэггинс! Мы встретились в доме нашего друга и товарища по заговору, этого самого замечательного и смелого хоббита – да не выпадет шерсть на его ногах, и хвала его вину и элю! – Он замолчал, чтобы перевести дыхание и ожидая вежливого ответа хоббита, но бедный Бильбо Бэггинс не заметил всех этих комплиментов, он пытался возразить против того, чтобы его называли смелым и товарищем по заговору, но был так поражен, что не смог произнести ни звука. Поэтому Торин продолжал.

– Мы встретились здесь, чтобы обсудить наши планы, наши пути, способы, политику и средства. Очень скоро, еще до рассвета, мы начнем наш долгий путь, путешествие, из которого кое-кто из нас, а может, и мы все (исключая нашего друга и советчика изобретательного

колдуна Гандалва) можем никогда не вернуться. Я полагаю, что цель путешествия всем нам хорошо известна. Для почтенного мистера Бэггинса и, возможно, для одного-двух младших гномов (мне кажется, что я имею право так называть, например, Кили и Фили), ситуация в настоящий момент может потребовать краткого объяснения...

Таков стиль Торина. Торин был очень важным гномом. Если бы ему позволили, он, вероятно, продолжал в таком же духе до потери дыхания, не говоря при этом ничего такого, что не было бы известно присутствующим. Но его грубо прервали. Бедный Бильбо не мог больше выдержать. При словах «можем никогда не вернуться» он почувствовал, как изнутри у него рвется крик, и очень скоро этот крик прозвучал, как свисток паровоза, вырывающегося из туннеля. Гномы вскочили, опрокинув стол. Гандалв зажег на конце своего волшебного посоха синий огонь, и при его свете стал виден бедный маленький хоббит, который склонился к камину, дрожа, как тающее желе. Но вот он плашмя упал на пол и снова и снова отчаянно вопил: «Молнией убило! Молнией убило!» И очень долго больше ничего от него не могли добиться. Поэтому гномы отнесли Бильбо в гардеробную, уложили, поставили поблизости выпивку, а сами вернулись к своему темному делу.

– Какой возбудимый малыш, – сказал Гандалв, когда они снова сели. – У него бывают странные приступы, но он один из лучших, один из лучших – свиреп, как загнанный в тупик дракон.

Если вам приходилось когда-нибудь видеть загнанного в тупик дракона, вы поймете, что это всего лишь поэтическое преувеличение применительно к любому хоббиту, даже к Старому Туку, по прозвищу Бычий Рев, который был так высок, что мог ездить верхом на лошади. В Битве на Зеленых Полях у горы Грэм он набросился на ряды гоблинов и деревянной дубиной снес голову их королю Голфимбулу. Голова пролетела сто ярдов по воздуху и упала в кроличью нору, и так была выиграна битва и одновременно изобретена игра в гольф.

Однако тем временем более изнеженный потомок Бычьего Рева приходил в себя в гардеробной. Немного погодя, подкрепившись выпивкой, он нервно подобрался к двери гостиной. И услышал, как Глойн произнес:

– Хм (или что-то похожее фыркнул). Думаете, он подойдет? Гандалву хорошо говорить о том, какой свирепый этот хоббит, но один такой крик в момент возбуждения, и этого достаточно, чтобы разбудить дракона и всех его родичей, которые нас убьют. Мне кажется, походило больше на страх, чем на возбуждение! Если бы не знак на двери, я бы подумал, что мы не туда попали. Как только я увидел этого малыша, подпрыгивающего и пыhtящего на крыльце, у меня появились сомнения. Мне он кажется больше похожим на бакалейщика, чем на взломщика!

И тут мистер Бэггинс повернул ручку и вошел. Природа Тука взяла верх. Хоббит неожиданно понял, что готов обходиться без постели и завтрака, лишь бы его считали свирепым. А малыш, пыhtящий на крыльце, и на самом деле едва не сделал его свирепым. Много раз впоследствии бэггинсовская часть в нем сожалела об этом поступке, и тогда он говорил себе: «Бильбо, ты глупец: ты сам ввязался в это дело».

– Прошу прощения, – сказал он, – я нечаянно услышал ваши слова. Не стану делать вид, будто понимаю, о чем они и при чем тут взломщик, но мне кажется, я имею основания предположить (это он называл держаться с достоинством), что вы считаете меня ни на что не годным. Я вам покажу. Никакого знака у меня на двери нет – ее выкрасили всего неделю назад... и я уверен, что вы зашли не в тот дом. Как только я увидел на крыльце ваши забавные лица, у меня появились сомнения. Но считайте, что вы попали куда нужно. Скажите, что вы хотите, и я постараюсь это сделать, даже если придется идти восточнее востока и сражаться с дикими червями-оборотнями в Последней Пустыне. У меня был прапрапрапрадед Бычий Рев Тук, и...

– Да, да, это было очень давно, – сказал Глойн. – Я говорил о вас. И уверяю вас, на вашей двери есть знак – обычное объявление представителя вашей профессии. Взломщик ищет

хорошую работу, желательно рискованную, за разумное вознаграждение, вот что означает этот знак. Если хотите, можете заменить взломщика на опытного искателя сокровищ. Некоторые так себя называют. Нам все равно. Гандалв сказал нам, что кое-кто здесь ищет такую работу, и мы договорились встретиться в среду во время чаепития.

– Конечно, знак есть, – подтвердил Гандалв. – Я сам поместил его. И по очень важным причинам. Вы просили меня найти четырнадцатого участника вашей экспедиции, и я выбрал мистера Бэггинса. Только скажите, что я выбрал не того участника или не тот дом, и можете оставаться по-прежнему в числе тринадцати и смириться с невезением или возвращаться к своим угольным раскопкам.

Он так сердито посмотрел на Глойна, что гном отодвинулся назад в кресле; а когда Бильбо открыл рот, собираясь задать вопрос, колдун повернулся к нему, нахмурился и свел свои кустистые брови, так что Бильбо со стуком захлопнул рот.

– Так-то лучше, – сказал Гандалв. – Больше никаких споров. Я выбрал мистера Бэггинса, и вас всех это должно удовлетворить. Если я говорю, что он взломщик, значит, он взломщик или станет им, когда придет время. В нем гораздо больше, чем вы догадываетесь, и намного больше, чем представляет он сам. Вы все (возможно) еще доживете до того, чтобы поблагодарить меня. А теперь Бильбо, мой мальчик, принеси лампу, и прольем немного света на это дело.

На столе, в свете большой лампы с розовым абажуром, Гандалв расстелил кусок пергамента, мало похожий на карту.

– Ее начертил ваш дед, Торин, – объяснил он в ответ на возбужденное восклицание гнома. – Это план Горы.

– Не вижу, чем он нам поможет, – разочарованно сказал Торин, бросив взгляд на план. – Я хорошо помню Гору и местность вокруг нее. И знаю, где расположен лес Мерквуд и Иссохшая Пустошь, в которой водились драконы.

– Тут на Горе красным начерчен дракон, – вмешался Балин, – но нам и так будет легко найти его, когда мы там окажемся.

– Но одного вы не заметили, – сказал колдун, – потайного входа. Видите, он находится на западной стороне, и со стороны рун на него указывает рука. Это скрытый проход в Нижние Залы. (Посмотрите на карту в начале книги и увидите эти руны.)

– Может, когда-то он и был тайным, – возразил Торин, – но откуда нам знать, что он до сих пор никому неизвестен? Старый Смог живет там так долго, что мог все узнать о пещерах.

– Может – но пользоваться этим проходом не мог уже многие годы.

– Почему?

– Потому что проход слишком узок. «Пять футов – высота двери, и трое могут пройти в нее в ряд», – говорится в рунах, но Смог не мог заползти в дыру такого размера, даже когда был молодым драконом. Тем более теперь, когда он сожрал столько девушек из долины.

– Мне дыра кажется очень большой, – пискнул Бильбо (у которого не было никакого опыта общения с драконами, а из дыр он знал только хоббичьи норы). Он снова почувствовал возбуждение и заинтересовался, так что забыл держать рот на замке. Бильбо любил карты, и в коридоре у него висела большая карта Окрестности, с обозначенными красными чернилами любимыми маршрутами его прогулок. – Но как можно было утаить такую большую дверь, даже если бы дракон ее не заметил? – спросил он. Не забывают, что он был всего лишь маленьким хоббитом.

– Множеством способов, – ответил Гандалв. – Но как была скрыта именно эта, мы не узнаем, пока не увидим ее сами. Судя по надписи на карте, это закрытая дверь, и выглядит она точно как сторона Горы. Это обычный метод гномов – мне кажется, я прав?

– Совершенно правы, – подтвердил Торин.

– К тому же, – продолжал Гандалв, – я забыл упомянуть, что к карте прилагался ключ, маленький и очень любопытный. Да вот он! – сказал колдун и протянул Торину серебряный ключ с длинным стержнем и сложной бородкой. – Не потеряйте его!

– Ни за что не потеряю, – ответил Торин, повесил ключ на красивую цепь, которая висела у него на шее, и спрятал под курткой. – Теперь дело выглядит более обнадеживающим. Эти новости меняют положение к лучшему. До сих пор у нас не было ясного представления, что делать. Мы думали как можно незаметнее двинуться на восток, добраться до Долгого озера. После этого могли начаться неприятности...

– Намного раньше, если я что-нибудь знаю о дорогах на восток, – прервал его Гандалв.

– Оттуда мы могли пойти вдоль реки Быстрой, – продолжал Торин, не обращая на него внимания, – и добраться до руин Дейла, древнего города в долине, у подножия Горы. Но никому из нас не нравилась мысль о Переднем Входе. Из него, через большую расселину в южном склоне Горы, вытекает река, и оттуда же выходит дракон – слишком часто, если, конечно, он не изменил свои привычки.

– Это не принесло бы ничего хорошего, – сказал колдун, – если бы с вами не было могучего воина, даже героя. Я попытался отыскать такого, но воины сражаются друг с другом в далеких землях, а в этой местности герои встречаются редко или просто не встречаются. Мечи в этих местах обычно затупились, топорами рубят деревья, щиты используются как колыбели, или ими накрывают блюда; а все драконы, к счастью, далеко (и потому превратились в легенду). Вот почему я остановился на взломе, особенно когда вспомнил о существовании боковой двери. А вот и наш маленький Бильбо Бэггинс, взломщик, избранный и отобранный взломщик. Поэтому давайте составлять план действий.

– Ну хорошо, – согласился Торин, – может, специалист по взломам даст нам какой-нибудь ценный совет. – И он с издевательской вежливостью повернулся к Бильбо.

– Прежде всего я хотел бы узнать больше обо всем, – ответил Бильбо, чувствуя легкую дрожь изнутри; однако Тукова часть в нем все еще готова была участвовать в приключении. – Я имею в виду золото, и дракона, и все остальное, и как оно попало туда, и кому принадлежит, и так далее, и тому подобное.

– Господи помилуй! – воскликнул Торин. – Разве у вас нет карты? И разве вы не слышали нашу песню? И разве не говорим мы об этом уже часами?

– Все равно я хотел бы знать больше и яснее, – упрямо ответил хоббит, принимая деловой вид (обычно он сохранял его для тех, кто пытался занять у него деньги) и изо всех сил стараясь выглядеть мудрым, и благоразумным, и профессиональным, и достойным рекомендации Гандалва. – К тому же я хотел бы узнать о риске, дорожных расходах, необходимом времени, компенсациях и тому подобном. – Под последними словами он имел в виду «Что я получу от этого? И вернусь ли назад живым?»

– Ну хорошо, – сказал Торин. – Давным-давно, во времена моих предков, гномов изгнали с севера, и они со всем своим богатством и со всеми инструментами пришли к Горе, что на карте. Тут они строили шахты, и прокладывали туннели, и вырубали просторные залы и большие мастерские – и вдобавок, как я считаю, они нашли здесь большое количество золота и драгоценных камней. Они стали необыкновенно богаты и знамениты, а мой дед был Королем-под-Горой, и люди, смертные, которые жили на юге, обращались с ним с большим уважением. Эти люди постепенно расселялись вдоль реки Быстрой до самой долины, на которую падает тень Горы. В те дни люди построили в долине веселый город Дейл. Короли города часто посылали за нашими кузнецами и богато одаряли даже наименее искусных. Отцы умоляли нас принять их сыновей в подмастерья и щедро платили за это, особенно продуктами, так что нам не приходилось их выращивать или отыскивать самим. Для нас это были счастливые времена, и у самых бедных гномов было достаточно денег, чтобы тратить и давать займы, и много времени, чтобы делать прекрасные вещи и наслаждаться ими, не говоря уже о великолепных волшеб-

ных игрушках, каких в нынешнем мире уже не встретишь. И залы моего деда наполнились удивительными драгоценностями, и резьбой, и чашами, а на магазины игрушек в Дейле стоило посмотреть.

Несомненно, именно это привлекло к нам дракона. Как вы знаете, драконы крадут золото и драгоценности у людей, эльфов и гномов – везде, где могут его найти; и караулят свою добычу, пока живы (а живут они практически вечно, если только их не убьют), и никогда даже медным колечком не попользуются. Они вообще вряд ли отличат хорошую работу от плохой, хотя обычно имеют неплохое представление о текущей рыночной стоимости; и не могут сами ничего сделать, даже заменить выпавшую чешуйку в своей броне. На севере в те дни водилось множество драконов, и, вероятно, золото стало встречаться все реже: ведь гномы ушли на юг или были убиты, и общее опустошение и разрушение становилось все сильнее. И был там один особенно жадный, сильный и злобный ящер, которого звали Смог. Однажды он поднялся в воздух и полетел на юг. Вначале мы услышали гром, словно с севера шел ураган, и сосны на горе зашатались и закрипели на ветру. Некоторые гномы находились снаружи – я был одним из счастливчиков; я был тогда молод, любил приключения и постоянно бродил в поиске их; это и спасло мне жизнь в тот день – ну так вот, мы издалека видели, как дракон в языках пламени опускается на Гору. Он спускался по склону, и, когда достиг леса, лес вспыхнул. К тому времени в Дейле уже звонили все колокола, а воины хватались за оружие. Гномы выбежали через большой центральный вход, но дракон поджидал их. Никто не спасся. Река закипела и покрылась паром, и пар опустился на Дейл, и в этом тумане на жителей набросился дракон и убил множество воинов – обычная несчастная история, такие в те дни случались часто. Потом дракон вернулся, и вполз через Главный вход, и прочесал все наши залы, и туннели, и коридоры, и переулки, и погреба, и комнаты, и проходы. Ни одного живого гнома не осталось внутри, и дракон забрал все наши богатства. Вероятно, потому, что так всегда поступают драконы, он сгреб их все в одну грудку и спит на ней, как на постели. Позже он стал выползать по ночам из ворот и нападать на Дейл. Он уносил людей, особенно девушек, и пожирал их, и Дейл опустел, все его жители погибли или разбежались. Не знаю, что происходит там сейчас, но не думаю, чтобы кто-нибудь жил к Горе ближе, чем на дальней оконечности Долгого озера.

Мы, немногие уцелевшие гномы, которые оказались снаружи и далеко, сидели в укрытии, и плакали, и проклинали Смога; и тут к нам неожиданно присоединились мой отец и дед с обгоревшими бородами. Выглядели они мрачно и почти все время молчали. Когда я спросил, как им удалось уйти, они велели мне попридержаться язык и добавили, что в свое время я узнаю. После этого нам пришлось уйти и зарабатывать себе на жизнь; мы пали так низко, что нам случалось заниматься черной кузнечной работой и даже добывать уголь. Но наши украденные сокровища мы никогда не забывали. И даже сейчас – признаю, что мы неплохо живем и у нас снова кое-что появилось... – С этими словами Торин погладил золотую цепь у себя на шее. – ... даже сейчас мы намерены вернуть их себе и навлечь наши проклятия на Смога – если сможем.

Я часто думал о том, как спаслись мой отец и дед. Теперь я понимаю, что, должно быть, они ушли через боковой вход, о существовании которого только они и знали. Очевидно, у них была карта, и мне хотелось бы знать, как она попала к Гандалву, а не ко мне, законному наследнику.

– Она ко мне не «попала», мне ее дали, – ответил колдун. – Вы помните, что ваш дед был убит в шахтах Мории гоблином...

– Да, будь проклят этот гoblin, – сказал Торин.

– А ваш отец исчез двадцать первого апреля – в прошлый четверг исполнилось как раз сто лет, – и с тех пор его никто не видел...

– Верно, верно, – согласился Торин.

– Ну так вот, ваш отец отдал мне карту, чтобы я передал ее вам; и если я для этого выбрал такое время и такой способ, вы вряд ли можете меня винить. Мне нелегко было вас отыскать.

Когда ваш отец передавал мне карту, он с трудом мог вспомнить свое имя, а ваше никогда не упоминал; так что я считаю, что меня следует поблагодарить! Вот она, – сказал он, протягивая карту Торину.

– Не понимаю, – сказал Торин, и Бильбо почувствовал, что готов повторить то же самое. Объяснение как будто ничего не объясняло.

– Ваш дед, – мрачно и медленно заговорил колдун, – отдал карту своему сыну, когда сам отправился в подземелья Мории. После смерти деда ваш отец отправился искать счастье; он испытал множество приключений, причем самых неприятных, но до Горы так и не добрался. Не знаю, как он попал туда, но я нашел его заключенным в подземельях Некроманта.

– А вы что там делали? – с дрожью спросил Торин; все остальные гномы тоже вздрогнули.

– Неважно. Как обычно, разузнавал; и дело это было очень опасное. Даже я, Гандальв, спасся с трудом. Пытался спасти и вашего отца, но было слишком поздно. Он потерял рассудок и бредил; почти ничего не помнил, кроме карты и ключа.

– Мы давно заплатили свой долг гоблинам Мории, – сказал Торин. – Не пора ли подумать и о Некроманте?

– Не говорите глупости! Это дело не под силу всем гномам вместе взятым, даже если бы их собрали со всех четырех концов света. Ваш отец хотел, чтобы вы прочли карту и использовали ключ. Дракон и Гора – вполне достаточное для вас дело!

– Слушайте! Слушайте! – произнес Бильбо, причем случайно произнес вслух.

– Что слушать? – Все неожиданно повернулись к нему, и Бильбо так растерялся, что ответил:

– Слушайте, что я вам скажу!

– Что именно? – спросили гномы.

– Ну, я скажу, что вам нужно отправиться на восток и осмотреться. Ведь все-таки боковая дверь существует, а дракон, я думаю, иногда спит. Мне кажется, если достаточно долго посидеть на пороге, что-нибудь придумаешь. И еще мне кажется, что для одной ночи мы поговорили достаточно, если вы понимаете, что я имею в виду. Как насчет постели, и раннего подъема, и всего такого? Я накормлю вас хорошим завтраком, прежде чем вы уйдете.

– Вероятно, вы хотели сказать, прежде чем мы уйдем, – заметил Торин. – Разве вы не взломщик? И разве сидеть на пороге – не ваша работа, не говоря уже о том, чтобы войти в дверь? Но насчет постели и завтрака я согласен. Начиная путь, я предпочитаю яичницу из шести яиц с ветчиной; яйца должны быть жареные, а не вареные, и, пожалуйста, не разбейте желток.

После того как все сделали заказы на завтрак, ни разу даже не сказав «пожалуйста» (от чего Бильбо почувствовал раздражение), гномы встали. Хоббиту пришлось для всех отыскивать комнаты, и занимать свободные помещения, и устраивать постели на стульях и диванах. Так что, разместив всех, он добрался до собственной постели усталый и очень недовольный. Он принял решение не вставать рано, чтобы готовить всем этот проклятый завтрак. Тукова часть постепенно выветрилась, и Бильбо был совсем не уверен, что рано утром отправится в путь.

Ложась, он слышал, как Торин в лучшей отведенной для него спальне все еще напевает:

*Далеко за холодные туманные горы,
В глубокие подземелья и древние пещеры
Должны мы уйти до начала дня,
Чтобы искать светлое зачарованное золото.*

Бильбо уснул, слыша эту песню, и поэтому снились ему кошмары. Проснулся он гораздо позже рассвета.

Глава вторая

Жареная баранина

Бильбо вскочил, оделся и побежал в столовую. Здесь никого не было, хоббит увидел только остатки обильного, но торопливого завтрака. В комнате все было перевернуто, а на кухне громоздилась немытая посуда. Казалось, использовались все бывшие в доме горшки и сковороды. Предстояло так много мытья посуды, что Бильбо вынужден был поверить: вчерашний неожиданный прием не был частью его ночных кошмаров, как он надеялся. Но в то же время он почувствовал облегчение при мысли, что все ушли без него, даже не побеспокоившись его разбудить («Но и спасибо никто не сказал», – подумал он); и в то же время почему-то он испытывал легкое разочарование. Это чувство его удивило.

– Не будь дураком, Бильбо Бэггинс! – сказал он самому себе. – Думать о драконах и прочей иноземной чепухе в твоём возрасте! – Поэтому он надел передник, разжег огонь, вскипятил воду и перемыл посуду. Потом приятно позавтракал на кухне, прежде чем возвращаться в столовую. К этому времени уже взошло солнце; входная дверь была открыта, и через нее врвался тёплый весенний ветер. Бильбо начал громко насвистывать и уже был готов забыть предыдущий вечер. В сущности он готов был уже вторично позавтракать в столовой у открытого окна, когда вошел Гандалв.

– Мой дорогой друг, – сказал он, – когда же ты пожуешь? Как насчет раннего начала? Я вижу ты завтракаешь или как ты это назовешь – в половине десятого! Гномы не могли ждать, но оставили тебе записку!

– Какую записку? – покраснев, спросил бедный мистер Бэггинс.

– Великие слоны! – воскликнул Гандалв. – Ты сегодня утром сам не свой. Ты даже не стер пыль с каминной доски!

– А какое она имеет к этому отношение? Мне хватило работы с мытьем посуды за четырнадцатью!

– Если бы ты вытер пыль с каминной доски, то нашел бы под часами это, – ответил Гандалв, протягивая Бильбо записку (написанную, конечно, на собственной писчей бумаге хоббита).

Вот что прочел Бильбо.

«Торин и компания приветствуют взломщика Бильбо! Наша искренняя благодарность за ваше гостеприимство; с благодарностью принимаем и ваше великодушное предложение профессиональной помощи. Условия: оплата по получении, размером до, но не свыше четырнадцатой части общей прибыли (если таковая будет); в любом случае гарантируется компенсация всех дорожных расходов; если возникнет необходимость и если покойник не примет заранее мер, расходы на похороны оплачиваем мы или наши представители.

Считая невозможным нарушать ваш драгоценный отдых, мы уходим, чтобы завершить необходимые приготовления, и будем ожидать вашу почтенную особу в трактире постоянного двора «Зеленый Дракон» на Байуотер точно в одиннадцать утра. Надеюсь, вы будете пунктуальны.

Имеем честь оставаться
искренне Вашими
Торин и компания».

– Осталось десять минут. Тебе придется бежать, – сказал Гандалв.

– Но... – начал Бильбо.

– На это нет времени, – прервал его колдун.

– Но... – снова начал Бильбо.

– И на это тоже! Пошли!

До конца своих дней Бильбо не мог сообразить, как оказался снаружи – без шляпы, без посоха, без денег, вообще без всего, что обычно прихватывал, выходя из дому; он оставил свой второй завтрак недоеденным, посуду – невымытой, сунул ключи Гандалву в руки и побежал по дорожке так быстро, как могли нести его поросшие шерстью ноги, побежал мимо большой мельницы, пересек Воду и пробежал еще больше миль.

Запыхавшись, появился он на Байуотер с последним одиннадцатым ударом часов и обнаружил, что у него с собой нет даже носового платка!

– Bravo! – сказал Балин, который поджидал его у входа на постоялый двор.

И в этот момент из-за угла на дороге, ведущей из деревни, показались все остальные. Гномы ехали на пони, а на каждом пони был еще самый разнообразный груз, множество сумок, свертков и тому подобного. Был и очень маленький пони, очевидно, предназначенный для Бильбо.

– Садитесь вы двое, – сказал Торин, – и поехали!

– Мне очень жаль, – ответил Бильбо, – но я явился без шляпы, и оставил свой носовой платок, и у меня нет денег. Я до десяти сорока пяти не видел вашу записку.

– Такая точность ни к чему, – сказал Двалин, – и не тревожься! Придется тебе обходиться без носового платка и много другого, пока не закончится путешествие. А что касается шляпы, у меня в багаже есть запасной плащ с капюшоном.

Так выступили они, отъехав от постоялого двора прекрасным утром перед самым началом мая на груженных пони. И на Бильбо был темно-зеленый капюшон (слегка попорченный непогодой) и темно-зеленый плащ, одолженный Двалином. Плащ и капюшон оказались велики для хоббита, и выглядел он в них комично. Не смею и гадать, что подумал бы о нем его отец Банго. Единственным утешением для Бильбо служила мысль, что за гнома его все равно не примут, потому что у него нет бороды.

Они проехали совсем немного, когда их догнал Гандалв, великолепно выглядевший на своем белом коне. Он привез множество носовых платков, а также трубку Бильбо и табак. Так что дальше все ехали в хорошем настроении, рассказывали разные истории и пели песни, и ехали так весь день, конечно, останавливаясь, чтобы поесть. Эти остановки случались не так часто, как хотелось бы Бильбо, но тем не менее он начинал чувствовать, что приключения не так уж плохи.

* * *

Так продолжалось довольно долго. Предстояло проехать обширную добропорядочную местность, населенную уважаемыми жителями: людьми, хоббитами, эльфами и прочими – с прекрасными дорогами, постоянными дворами, и время от времени навстречу попадались едущие по делам гном, или бродячий ремесленник, или фермер. Но постепенно местность изменилась, встречные говорили со странным акцентом и пели песни, которые Бильбо никогда не слышал. Гостиницы встречались редко и были бедные и неудобные, дороги ухудшились, а на горизонте все выше и выше поднимались холмы. На вершинах холмов виднелись замки и выглядели они так, словно построили их с недобрыми целями. Да и погода, которая в мае была такой прекрасной, какая случается только в сказках и легендах, неожиданно ухудшилась.

– И подумать только, завтра первое июня, – ворчал Бильбо, вслед за другими с хлопаньем пробираясь по грязной тропе. Уже миновало время чаепития; шел сильный дождь; он шел весь день; вода с капюшона заливала Бильбо глаза, плащ его промок насквозь; пони устал и спотыкался на камнях; спутники были настроены мрачно и не разговаривали. «Я уверен, что

дождь промочил запасную одежду и проник в запасы пищи, – думал Бильбо. – Будь проклят взлом и все к нему относящееся! Хотел бы я очутиться дома, в своей прекрасной норе, у огня, на котором начал напевать, закипая, котелок!» Не в последний раз пожелал он этого!

А гномы продолжали двигаться дальше, не оборачиваясь и не обращая никакого внимания на хоббита. Где-то за тучами, должно быть, садилось солнце, потому что начало темнеть. Поднялся ветер, и ивы вдоль реки гнулись и стонали. Не знаю, что это была за река, стремительная, разлившаяся от ежедневных дождей, спускавшаяся с гор, которые возвышались перед путниками.

Скоро стало почти темно. Ветер разогнал рваные тучи, и в разрыве, между клочьями облаков, над холмами появилась бледная луна. Тогда путники остановились, и Торин что-то сказал об ужине и «где бы найти сухое место для сна?»

И только тут все заметили, что Гандалва нет. До сих пор он ехал с ними, не объясняя, будет ли участвовать в приключении или просто составляет им компанию ненадолго. Он много ел, много разговаривал и много смеялся. А теперь просто исчез!

– Именно когда больше всего нужен колдун! – простонали Дори и Нори (которые разделяли взгляды хоббита на необходимость регулярных обильных и частых завтраков и обедов).

В конце концов решили заночевать на месте. До сих пор им не приходилось ночевать под открытым небом, и хотя они знали, что этого не избежать, когда они углубятся с Туманные горы, все же вечер для начала казался слишком влажным и неподходящим. Переместились под деревья, где было посуше, но ветер постоянно шевелил ветви, и капли ужасно раздражали. К тому же не повезло и с костром. Гномы могут разжечь огонь где угодно и из чего угодно, на любом ветру; но в этот вечер даже Ойн и Глойн, которые в этом особенно искусны, ничего не добились.

Потом совершенно беспричинно испугался и убежал один из пони. Его поймали только после того, как он забрался в реку, и при этом Фили и Кили едва не утонули, а весь багаж, который нес пони, смыло водой. Конечно, в этом багаже была еда, и поэтому на ужин почти ничего не осталось и совсем ничего – на завтрак.

Все сидели мрачные и мокрые, Ойн и Глойн продолжали пытаться разжечь костер и препирались при этом. Бильбо печально думал, что, оказывается, приключение – это не всегда веселые поездки на пони при свете майского солнца, когда Балин, стоявший на карауле, сказал:

– Там свет!

Впереди и немного в стороне был холм, поросший густым лесом. И вот из лесной чащи виден был свет, красноватое приятное мерцание, словно огонь костра или факела.

Некоторое время все смотрели на этот свет, потом заспорили. Одни говорили «нет», другие – «да». Некоторые считали, что нужно пойти посмотреть, потому что все лучше, чем скудный ужин, никакого завтрака и мокрая одежда на всю ночь.

Им возражали:

– Мы плохо знаем эту местность, и тут слишком близко горы. Здесь нет полиции, и картографы сюда еще не добрались. Здесь и не слышали о короле, и чем меньше мы проявим любопытства, тем безопасней будет наш путь.

Кое-кто говорил:

– Но ведь в конце концов нас целых четырнадцать.

Другие спрашивали:

– И куда запропастился Гандалв?

Это повторяли все. Дождь пошел еще сильнее, а Ойн и Глойн подрались.

Это решило дело.

– В конце концов с нами взломщик, – сказали гномы; и тут же, ведя за собой пони (со всеми необходимыми предосторожностями), направились в сторону света. Вскоре они подошли к холму и углубились в лес. Начали подниматься по склону; но тропы, какая может вести к

дому или ферме, не было видно; и хоть старались пробираться незаметно, поневоле шуршали, и трещали, и скрипели (и к тому же еще ворчали и брюзжали), в крошечной тьме пробираясь под деревьями.

Неожиданно совсем близко впереди между деревьями показался красный свет.

– Теперь очередь взломщика, – сказали гномы, имея в виду Бильбо.

– Вы должны пойти вперед и разведать все об этом свете: для чего он и все ли там безопасно, – сказал хоббиту Торин. – Торопитесь и возвращайтесь побыстрее, если все в порядке. Если нет, возвращайтесь, если сможете! Если не сможете, крикните дважды совой-сыпухой и один раз – ушастой совой, и мы сделаем, что сможем.

И пришлось Бильбо уходить; он даже не успел сказать, что умеет кричать любой совой не больше, чем летать, как летучая мышь. Но зато хоббиты умеют совершенно бесшумно передвигаться по лесу. Они этим гордятся, и Бильбо не раз фыркал, слыша «весь этот гномий шум», хотя думаю, вы в ветреную ночь вообще ничего не заметили бы, даже если бы вся кавалькада проехала в двух шагах перед вами. Бильбо направился прямо к красному свету, и полагаю, даже ласка усом не шевельнула бы, когда он проходил мимо. Естественно, он вышел к костру – потому что это был костер, – не насторожив никого. И вот что он увидел.

Три великана сидели на бревнах у огромного костра. На длинных ветках они жарили баранину и слизывали жир с пальцев. Вкусно пахло. Поблизости стоял бочонок с пивом, и великаны время от времени выпивали по кружке. Это были тролли. Явно тролли. Даже Бильбо, проживший благополучную безопасную жизнь, понимал это; видел по огромным волосатым лицам, по размеру, по форме ног, не говоря уже о языке, который совсем не походил на великосветский.

– Баранина вчера, баранина сегодня, и – чтоб мне провалиться! – похоже, и завтра баранина, – сказал один из троллей.

– Уже давно ни кусочка человечины, – подхватил второй. – Какого дьявола Уильям привел нас сюда, никак не пойму. И выпивки мало, к тому же, – добавил он, подталкивая локтем Уильяма, который как раз пил из кружки.

Уильям подавился.

– Заткнись! – заорал он, откашлявшись. – Думаешь, кто-нибудь остановится здесь, чтобы вы с Бертом могли полакомиться? С тех пор как мы спустились с гор, вы слопали полторы деревни. Сколько еще вам нужно? Сейчас такие времена, что вы должны говорить «спасибо, Билл» за эту жирную баранину из долины. – Он откусил большой кусок жареной овечьей ноги и вытер губы о рукав.

Да, боюсь, что именно так ведут себя тролли, даже одноглавые. Услышав все это, Бильбо решил, что нужно немедленно что-то предпринять. Либо незаметно вернуться и предупредить друзей, что впереди три огромных тролля в дурном настроении, способных для разнообразия поджарить гнома или даже пони; либо заняться быстрым взломом. Настоящий первоклассный легендарный взломщик уже успел бы обшарить карманы троллей – сделать это всегда стоит, если есть возможность, – снял с вертелов баранину, украл пиво и ушел так, что они даже не заметили бы. Другие, более практичные, но с меньшим профессиональным достоинством, вероятно, всадили бы в каждого тролля кинжал, прежде чем те успели спохватиться. И тогда можно было бы неплохо провести остаток ночи.

Бильбо все это знал. Он читал о многом таком, чего сам никогда не видел и не делал. Он был встревожен и испытывал отвращение; хотел бы оказаться в сотне миль отсюда – и в то же время почему-то не мог вернуться к Торину и компании с пустыми руками. И вот он стоял в тени и колебался. Из всех взломщицких дел, которые приходили ему в голову, самым легким казалось обшаривание карманов троллей, и поэтому Бильбо наконец подкрался к дереву за Уильямом.

Берт и Том направились к бочонку. Уильям занялся выпивкой. Тут Бильбо набрался храбрости и сунул свою маленькую руку в огромный карман Уильяма. В нем оказался кошелек, размером и толщиной с самого Бильбо. «Ха! – подумал хоббит, ободренный таким началом своей новой работы, и принялся осторожно вытаскивать кошелек. – Неплохое начало!»

Да, это действительно было только начало. Кошельки у троллей с сюрпризами, и этот не был исключением.

– Эй, ты кто такой! – запищал кошелек, когда его вытаскивали, и Уильям тут же повернулся и схватил Бильбо за шею, прежде чем тот успел спрятаться за деревом.

– Чтоб мне провалиться! Берт, погляди, кого я поймал! – сказал Уильям.

– Что это? – спросили остальные, подходя.

– Будь я проклят, если знаю! Ты кто такой?

– Бильбо Бэггинс, взлом... хоббит, – сказал бедный Бильбо, дрожа и гадая, как крикнуть совой, прежде чем его задушат.

– Взломхоббит? – удивленно переспросили тролли. Тролли все тяжелодумы и очень подозрительно относятся ко всему новому.

– И что делает взломхоббит в моем кармане? – спросил Уильям.

– А можно его поджарить? – спросил Том.

– Попробуем, – ответил Берт, хватая вертел.

– Да в нем на один укус не хватит, – сказал Уильям, который уже плотно поужинал. – Тем более когда его освежают и вытащат кости.

– Может, тут есть другие и у нас наберется на пирог, – сказал Берт. – Эй ты, отвратительный кролик, есть еще такие, как ты, в лесу? – спросил он, глядя на волосатые ноги хоббита. При этом он схватил Бильбо за ноги и потряс.

– Да, много, – ответил Бильбо, но тут же подумал, что нельзя выдавать друзей. – Нет, ни одного нет, – сразу добавил он.

– Что он хочет сказать? – спросил Берт, держа на этот раз Бильбо вверх головой, но за волосы.

– Я хочу сказать, – ответил Бильбо, охая, – и, пожалуйста, не жарьте меня, добрые сэры! Я сам неплохой повар, и готовлю вкуснее, чем сам буду в виде блюда, если вы понимаете, что я имею в виду. Я приготовлю вам вкусный завтрак, если вы мною не поужинаете.

– Маленький заморыш! – сказал Уильям (я вам уже говорил, что Уильям так наелся, что больше ничего не мог съесть; да и пива выпил немало). – Несчастный маленький заморыш! Пусть идет!

– Сначала пусть объяснит, что значит много и ни одного, – сказал Берт. – Не хочу, чтобы он во сне перерезал мне глотку! Поддержим его ноги над костром, тогда заговорит!

– Не хочу, – сказал Уильям. – Ведь я его поймал.

– Ты толстый дурак, Уильям, – заявил Берт, – как я уже говорил сегодня.

– А ты деревенщина!

– Этого я от тебя не потерплю, Билл Хаггинс, – сказал Берт и ударил Уильяма кулаком в глаз.

И началась превосходная драка. Когда Бильбо вырвали на землю, у него хватило ума убраться из-под ног троллей, прежде чем они сцепились, как собаки, громкими голосами обзывая друг друга вполне соответствующими их природе словами. Вскоре они держали руки друг друга и катились по земле, едва не попав в костер, пинались и топали, а Том колотил их обоих веткой, пытаясь привести в сознание, – и, конечно, они от этого еще больше свирепели.

Самое время хоббиту было улизнуть. Но Берт так сжал его маленькие бедные ноги, и все тело его было так избито, и голова кружилась; поэтому Бильбо некоторое время просто лежал, отдуваясь, за пределами освещенного костром круга.

И в самую середину драки сунулся Балин. Гномы на расстоянии слышали шум, немного подождали возвращения Бильбо или крика совы, а потом один за другим как можно тише направились в сторону костра. Том, увидев появившегося на свету Балина, страшно заорал. Тролли просто не переваривают гномов (неподжаренных). Берт и Билл тут же перестали драться и сказали: «Мешок, Том, быстрее!» И прежде чем Балин, который пытался во всей этой суматохе отыскать Бильбо, понял, что происходит, мешок набросили ему на голову, и он упал.

– Придут еще, – сказал Том, – или я очень ошибаюсь. Много и никого. Никаких взлом-хоббитов, но много гномов. Вот оно что!

– Я думаю, ты прав, – согласился Берт, – нам лучше убраться со света.

Так они и поступили. Затаились в тени с палками, на которых перетаскивали баранину и другую добычу. И вот каждый гном выходил на свет, удивленно смотрел на костер, на валяющиеся кувшины и пролитое пиво, на изглоданные бараньи кости – как вдруг! на голове у него оказывался дурно пахнущий мешок, и гном падал. Скоро Двалин лежал на Балине, Фили и Кили лежали вместе, а Дори, и Нори, и Ори грудой, а Ойн, и Глойн, и Бифур, и Бофур, и Бомбур – у самого костра.

– Это их проучит, – сказал Том, потому что с Бифуром и Бомбаром оказалось трудно справиться, они боролись, как сумасшедшие, как сражаются загнанные в угол гномы.

Последним пришел Торин – и его не смогли захватить врасплох. Он ожидал неприятностей, и ему не нужно было увидеть ноги своих друзей, торчащие из-под палок, чтобы понять, что не все в порядке. Он остановился на некотором удалении в тени и спросил:

– В чем дело. Кто побил моих подданных?

– Тролли! – ответил Бильбо из-за дерева. Тролли о нем забыли. – Они с мешками прячутся в кустах.

– Правда? – переспросил Торин и прыгнул к костру, прежде чем тролли успели его схватить. Схватил большую ветку, у которой горел один конец; и Берт получил этим концом в глаз, прежде чем успел отскочить. Это на какое-то время вывело его из строя. Бильбо тоже постарался. Он ухватил Тома за ногу – нога была толщиной с древесный ствол, но когда Том пнул костер, пуская искры в лицо Торину, Бильбо отлетел в кусты.

За это Том получил ветку в зубы и потерял один из передних зубов. Могу вас уверить, это заставило его завопить. Но как раз в этот момент сзади подскочил Уильям и накрыл Торуна мешком с головы до пят. На этом схватка окончилась. В хорошенькое положение они попали: все аккуратно закутанные в мешки, а над ними возвышаются три рассерженных тролля (при этом двое не забывают ожоги и удары) и спорят, поджарить ли пленников медленно, или изрубить на кусочки и сварить, или просто сесть на них и раздавить в лепешку; а Бильбо прячется в кустах, в порванной одежде, исцарапанный, и не смеет пошевелиться, боясь, что тролли услышат.

* * *

И как раз тут вернулся Гандалв. Но никто его не увидел. Тролли только что договорились немедленно зажарить пленников, а съесть потом – это была идея Берта, и после множества споров все с ним согласилось.

– Чего хорошего – жарить их сейчас. Да это всю ночь займет, – слышался голос. Берт подумал, что это Уильям.

– Не начинай все сначала, Билл, – ответил он. – Или это займет всю ночь.

– А кто спорит? – спросил Уильям, который подумал, что говорил Берт.

– Ты, – ответил Берт.

– Ты вун, – сказал Уильям; и вот спор начался снова. В конце концов решили изрубить гномов и сварить. Принесли большой черный котел и достали ножи.

– Зачем их кипятить? У нас нет воды, а до ручья далеко, – сказал голос. Берт и Уильям подумали, что это Том.

– Заткнись! – заорали они. – Или мы никогда не закончим. А если скажешь еще хоть слово, сам пойдешь за водой.

– Сами заткнитесь! – ответил Том, который решил, что говорил Уильям. – Хотел бы я знать, кто спорит, кроме вас?

– Ты болван! – сказал Уильям.

– Сам болван! – ответил Том.

И спор разгорелся с новой силой и продолжался еще горячее, пока не договорились садиться по очереди на все мешки, раздавить гномов, а позже сварить.

– А на кого сядем первого? – спросил голос.

– Лучше сначала сесть на последнего, – сказал Берт, которому Торин повредил глаз. Он подумал, что это говорит Том.

– Ты что, сам с собой разговариваешь? – сказал Том. – Хочешь садиться на последнего, садись. Который он?

– Тот, что в желтых чулках, – сказал Берт.

– Ерунда, он в серых чулках, – возразил голос, похожий на голос Уильяма.

– Я уверен, что он был в желтых, – настаивал Берт.

– Конечно, в желтых, – согласился Уильям.

– Тогда зачем ты говорил, что он в серых? – спросил Берт.

– Нет, я не говорил, – возразил Том. – Это ты сказал.

– Двое против одного, так что заткни пасть! – сказал Берт.

– Ты с кем это разговариваешь? – спросил Уильям.

– Прекратите! – в один голос сказали Том и Берт. – Ночь подходит к концу, скоро рассвет.

Пора кончать с этим делом!

– Застигнет вас рассвета пламень, и превратитесь вы в камень! – произнес голос, похожий на Уильяма. Но это был не Уильям. В этот момент над холмами вспыхнул свет, птицы загомонили в ветвях. Уильям не мог говорить, потому что он как стоял, наклонившись, так и окаменел; а Берт и Том посмотрели на него и тоже превратились в скалы. Так и стоят они и сегодня в полном одиночестве; разве что птицы выют на них гнезда; вы, вероятно, знаете, что тролли до рассвета должны вернуться в подземелья, иначе превращаются в тот камень гор, из которого они созданы, и больше никогда не смогут двигаться. Так и случилось с Бертом, и Томом, и Уильямом.

– Великолепно! – сказал Гандалв, выходя из-за кустов и помогая Бильбо слезть с колючего дерева. И тут Бильбо понял. Конечно, голос колдуна заставлял троллей ссориться и прекратиться, пока не наступил рассвет и не прикончил их.

Дальше нужно было развязать мешки и выпустить гномов. Они едва не задохнулись и были ужасно рассержены: им совсем не понравилось лежать и слушать, как тролли строили планы и спорили, поджарить их, сварить или раздавить в лепешку. Гномы дважды прослушали рассказ Бильбо, прежде чем удовлетворились.

– Нашел время заниматься взломом и лазить по карманам, – сказал Бомбур. – Ведь нам нужны были только огонь и еда.

– Уж этого-то вам от них все равно не получить было без драки, – сказал Гандалв. – А сейчас вы просто теряете время. Не понимаете? У троллей должна поблизости находиться пещера, куда они прятались от солнца. Мы должны заглянуть в нее.

Они поискали вокруг и вскоре нашли среди деревьев следы каменных башмаков троллей. Поднялись по следам по склону холма и увидели скрытую кустами большую дверь в скале,

ведущую в пещеру. Но открыть дверь не смогли, хотя все на нее навалились, а Гандалв пытался воспользоваться заклинаниями.

– А это не поможет? – спросил Бильбо, когда все устали и были раздражены. – Нашел на земле, где тролли дрались в последний раз. – И он протянул большой ключ, хотя, несомненно, Уильям считал его очень маленьким и тайным. Должно быть, ключ выпал у него из кармана, к счастью, до того, как тролль окаменел.

– Почему же ты раньше не сказал? – закричали все. Гандалв схватил ключ и вставил в скважину. Каменная дверь распахнулась от толчка, и все вошли. На полу груды костей; отвратительная вонь; но на полках и на земле беспорядочной грудой свалено много хороших продуктов, наряду с другой добычей – от медных пуговиц до горшков с золотыми монетами в углу. На стенах висело много одежды, слишком маленькой для троллей; боюсь, она принадлежала жертвам, а также мечи разной формы и размера. Особенно притягивали взгляд два меча в прекрасных ножнах и с украшенными драгоценными камнями рукоятями.

Гандалв и Торин взяли по одному из мечей; Бильбо подобрал нож в кожаных ножнах. Для тролля это всего лишь крошечный перочинный ножик, но для хоббита он все равно что короткий меч.

– Похоже, неплохие лезвия, – сказал колдун, наполовину вытаскивая мечи из ножен и с любопытством разглядывая их. – Сделаны не троллями и не человеческими кузнецами наших дней; если бы прочесть руны на них, мы знали бы больше.

– Давайте уйдем от этой ужасной вони! – сказал Фили. Они прихватили с собой горшки с монетами, пищу, нетронутую и на вид пригодную к употреблению, а также полный бочонок эля. Наступало время завтрака, все проголодались и поэтому не отворачивались от продуктов из запасов троллей. Собственной провизии оставалось совсем немного. А теперь у них был хлеб и сыр, много эля, и свинина, которую можно жарить на углях.

Потом легли спать, потому что ночь прошла тревожно; и до полудня больше ничего не делали. Затем привели пони, отвезли в сторону горшки с золотом и тайно закопали недалеко от тропы у реки, наложив много сильных заклятий, на случай, если будет возможность вернуться и взять золото. Когда с этим было покончено, снова сели на пони и двинулись по тропе на восток.

– Могу ли я спросить, куда вы исчезли? – спросил Торин у Гандалва, ехавшего рядом с ним.

– Смотрел, что впереди, – ответил тот.

– А что привело вас назад в самый нужный момент?

– Я оглянулся, – сказал колдун.

– Конечно! – согласился Торин. – Но вы могли бы выразиться яснее.

– Я отправился на разведку дороги. Скоро она станет трудной и опасной. К тому же мне хотелось пополнить наш скудный запас продуктов. Но я уехал недалеко и встретил своих друзей из Ривенделла.

– А это где? – спросил Бильбо.

– Не прерывай! – сказал Гандалв. – Если нам повезет, через несколько дней мы там окажемся, и ты сам все узнаешь. Как я уже говорил, мне встретились двое из друзей Эльронда. Они торопились, опасаясь троллей. Это они рассказали мне, что с холма спустились три тролля и поселились в лесу недалеко от дороги; они распугали всех в округе и поджидают в засаде путников.

Я сразу почувствовал, что мне нужно возвращаться. Оглянувшись, я увидел вдалеке костер и направился к нему. Остальное вы знаете. Пожалуйста, в следующий раз будьте осторожней, иначе мы никуда не попадем!

– Спасибо! – проговорил Торин.

Глава третья

Короткий отдых

В этот день путники не пели и не рассказывали истории, хотя погода улучшилась; так продолжалось и весь следующий день, и еще один. Чувствовалось, что опасность угрожает со всех сторон. Ночевали под звездами, и у лошадей было больше еды, чем у всадников: трава была изобильная, но в сумках, даже с тем, что забрали у троллей, оставалось немного. В полдень одного из дней переправились через реку в мелком месте, полном шума воды на камнях и пены. Противоположный берег оказался крутым и скользким. Когда путники, ведя за собой пони, поднялись на его вершину, они увидели впереди, но совсем близко большие горы. Казалось, до ближайшей всего день пути. Гора казалась темной и страшной, хотя на ее коричневых склонах лежали полосы солнечного света, а над склонами поднималась белоснежная вершина.

– Это та самая Гора? – спросил взволнованно Бильбо, глядя вперед круглыми глазами. Он никогда раньше не видел ничего такого огромного.

– Конечно, нет! – ответил Балин. – Это всего лишь начало Туманных гор, и нам нужно пройти через них, или над ними, или под ними, чтобы добраться до Пустыни за горами. И даже с противоположной стороны до Одинокой Горы на востоке, где поселился Смог, очень далекий путь.

– О! – отозвался Бильбо. В этот момент он чувствовал себя страшно уставшим. И снова вспомнил удобное кресло перед камином в своей любимой гостиной в хоббичьей норе и закипающий котелок. И не в последний раз!

* * *

Теперь путников вел Гандалв.

– Мы не должны пропустить дорогу, иначе пропадем, – говорил он. – Прежде всего нам нужна еда и отдых в относительной безопасности. Туманные горы следует пересекать по тропе, в них легко заблудиться. Тогда придется возвращаться и начинать все снова (если вообще удастся вернуться).

Его спросили, куда он направляется. Гандалв ответил:

– Вы на самом краю Дикой местности, как кое-кто из вас знает. Где-то впереди находится прекрасная долина Ривенделл. Там в Последнем Домашнем Приюте живет Эльронд. Я через встреченных друзей предупредил о нашем приходе, и нас ожидают.

Звучало это приятно и успокаивающе, и вам, наверно, кажется, что легко было сразу направиться в Последний Домашний Приют к западу от Гор. Казалось, впереди путникам не помешают ни деревья, ни ущелья, ни холмы. Только пологий склон, уходящий к подножию ближайшей горы, широкое пространство цвета вереска и растрескавшегося камня с полосками зелени: там, где могла быть вода, росли трава и мох.

Светило полуденное солнце, но путников окружала безмолвная пустыня без единого признака жилья. Они проехали некоторое время и поняли, что дом может скрываться где угодно между ними и горами. Впереди открывались неожиданные ущелья, узкие, с крутыми склонами, и они с удивлением видели далеко внизу под своими ногами вершины деревьев и текучую воду. Некоторые ущелья были так узки, что их, казалось, можно перескочить, но в них скрывались водопады. Были и темные пропасти, которые не перескочишь и в которые не спустишься. Встречались трясины, внешне зеленые и приятные на взгляд, на них росли яркие высокие цветы. Но один пони с сумками на спине никогда не выберется уже из такой трясины.

После брода и до самых гор местность стала совершенно дикой. Бильбо был поражен. Единственная тропа обозначалась белыми камнями, часто мелкими или заросшими мхом и вереском. И вообще, даже под водительством Гандалва передвигались по этой тропе очень медленно, хотя колдун, по-видимому, хорошо знал дорогу.

Казалось, они прошли совсем немного, следуя за колдуном, чьи голова и борода раскачивались впереди, когда он осматривал путь, но уже стало темнеть. Давно миновало время чая, и похоже, то же самое ждет и час ужина. Вокруг летало множество мошек, спустились сумерки, а луна еще не взошла. Пони Бильбо начал спотыкаться на камнях и корнях. Путники так неожиданно оказались перед крутым спуском, что конь Гандалва едва не соскользнул вниз.

– Ну наконец! – воскликнул колдун, и все собрались вокруг него и заглянули вниз. И увидели далеко под собой долину. Слышался шум торопливой реки, текущей внизу по каменистому руслу; в воздухе пахло деревьями, а на противоположном склоне долины, за рекой, виднелся огонек.

Бильбо никогда не мог забыть, как они, скользя и спотыкаясь, спускались по тропе, вьющейся по крутому склону, в тайную долину Ривенделл. Чем глубже они спускались, тем теплей становился воздух; хвойный запах сосен навевал на хоббита сон, и поэтому время от времени он опускал голову на грудь и едва не падал или ударялся носом о шею пони. Они все спускались, и настроение путников улучшалось. Сосны сменились буками и дубами, и в полутьме охватывало приятное ощущение. И когда наконец выехали на открытую поляну недалеко от ручья, зеленая трава была уже совсем не видна.

«Гм! Пахнет эльфами!» – подумал Бильбо и посмотрел на звезды. Они горели, яркие и голубые. И тут из-за деревьев донеслась песня, похожая на взрыв смеха.

*О! Что вы делаете
И куда направляетесь?
Ваших пони нужно перековать!
Река течет!
О! тра-ла-ла-лалли
у нас внизу в долине!*

*О! Что вы ищете
И куда направляетесь?
Хворост трещит в костре,
Лепешки пекутся на огне!
О! трил-ли-лолли
весела наша долина,
ха-ха!*

*О! Куда же вы идете,
Размахивая бородами?
И не знаете, не знаете,
Что привело мистера Бэггинса
И Балина и Двалина
вниз в долину
в июне
ха-ха!*

*О! Останетесь ли вы
Или улетите?*

*Ваши пони устали!
Дневной свет умирает!*

*Лететь будет глупо,
А остаться – весело,
И слушать, вслушиваться
До конца темноты
нашего времени
ха-ха!*

Впереди, под деревьями, смеялись и пели; и несли прекрасный вздор, должен я вам сказать. А поющим было все равно: они рассмеялись бы еще сильнее, если бы вы им так сказали. Конечно, это были эльфы. Скоро Бильбо рассмотрел их в сгущающейся темноте. Он любил эльфов, хотя редко встречал их; но и немного их побаивался. Гномы с ними не ладили. Даже такие приличные гномы, как Торин и его друзья, считают эльфов глупыми (думать так очень глупо), или эльфы их раздражают. Потому что смеются над ними и дразнят – больше всего из-за бород.

– Ну-ну! – произнес чей-то голос. – Вы только поглядите! Хоббит Бильбо на пони! Разве это не замечательно?

– Поразительно!

И снова прозвучала песня, такая же нелепая, как та, что я привел полностью. Наконец из-под деревьев показался высокий молодой эльф. Он поклонился Гандалву и Торину.

– Добро пожаловать в долину! – сказал он.

– Спасибо! – ответил Торин чуть ворчливо; но Гандалв уже спешился, стоял, окруженный эльфами, и весело разговаривал с ними.

– Вы немного сбились с пути, – сказал эльф, – если, конечно, хотите пройти единственной дорогой, которая ведет через реку и к дому. Мы вас проведем, но вам лучше идти пешком, по крайней мере до моста. Хотите задержаться и попеть с нами или сразу пойдете дальше? Вон там готовится ужин, – продолжал он. – Я чувствую запах костра, на котором готовят пищу.

Как он ни устал, Бильбо предпочел бы остаться. Не стоит пропускать пение эльфов, особенно в июне под звездами, если вам такие вещи не безразличны. К тому же ему хотелось поговорить немного с этими существами, которые как будто знают его имя и все остальное, хотя он с ними никогда раньше не встречался. Он решил, что их мнение о его приключениях будет для него интересно. Эльфы многое знают и очень интересуются новостями; они узнают обо всем происходящем быстро, как река течет, и еще быстрее.

Но гномы хотели как можно быстрее добраться до ужина и не желали задерживаться. Все пошли дальше, ведя пони, и вскоре вышли на хорошую дорогу и так добрались до берега реки. Река текла быстро и шумно, как горные ручьи в летние вечера, когда солнце весь день светило на снега вверх. Реку пересекал узкий каменный мост без парапета; по нему мог за раз пройти только один пони. Пришлось переходить по очереди, медленно и осторожно, ведя пони на поводке. Эльфы принесли на берег фонари и пели веселые песни, пока путники пересекали реку.

– Не окуни бороду в речную пену, папаша! – кричали они Торину, который согнулся и шел почти на четвереньках. – Она у тебя такая длинная, что почти достает до воды.

– Смотрите, чтобы Бильбо не съел все печенье! – говорили они. – Он еще слишком толст, чтобы пройти в замочную скважину!

– Тише, тише, добрый народ, и спокойной ночи! – сказал Гандалв, шедший последним. – У долины есть уши, а у некоторых эльфов слишком веселые языки! Спокойной ночи!

Так они наконец пришли к Последнему Домашнему Приюту, который ждал их с широко раскрытыми дверями.

Странно, но о хороших днях, которые проходят так быстро, почти нечего рассказывать; а вот о печальных и даже страшных происшествиях получается интересный рассказ, и требуется на него немало времени. Путники долго прожили в гостеприимном доме, не менее четырнадцати дней, и им трудно было уходить. Бильбо готов был остаться тут навсегда – даже если бы по желанию мог без труда вернуться в свою нору. Но рассказывать об их пребывании почти нечего.

Хозяин дома был друг эльфов, потомок тех людей, о которых рассказывается в необычных сказаниях до начала истории, в легендах о войнах со злыми гоблинами, об эльфах и первых людях на севере. В дни, когда происходит действие нашего рассказа, еще встречались люди, у которых предками были эльфы и герои севера, и Эльронд, хозяин дома, был вождем этих людей.

Он был благороден и прекрасен, как эльфийский лорд, силен, как воин, мудр, как колдун, и добр, как лето. Он герой многих сказаний, но в великих приключениях Бильбо принимает небольшое участие, хотя и важное, как вы увидите, если мы когда-нибудь доберемся до их конца. Дом у него был прекрасный и годился для тех, кто любит поесть, или поспать, или поработать, или рассказывать истории, или петь, или просто сидеть и думать, или приятную смесь всех этих занятий. В эту долину не было доступа злым существам.

Хотелось бы иметь время, чтобы рассказать вам хоть одну-две истории или песни, что слышались в этом доме. Путники и их пони отдохнули и окрепли. Одежду им починили, синяки и ссадины зажили, настроение улучшилось, и надежды окрепли. Мешки наполнили продуктами, которые легко перевозить, но которых должно было хватить для перехода через горы. Путники выслушали советы и усовершенствовали свои планы. И вот наступил канун Иванова дня, и ранним летним утром им предстояло отправиться дальше.

Эльронд знал все о всевозможных рунах. Он осмотрел мечи, которые путники взяли в пещере троллей, и сказал:

– Их изготовили не тролли. Это древние мечи, очень древние, и принадлежали они эльфам. Мечи были изготовлены в Гондолине для войны с гоблинами. Должно быть, происходят из драконьего сокровища или добычи гоблинов, потому что много веков назад гоблины и драконы разграбили этот город. Этот меч, Торин, на древнем языке Гондолина называется Оркрисст, что означает Разрубающий Гоблинов. А это, Гандалв, Гламдринг, Молотящий Врага. Им когда-то владел король Гондолина. Берегите их!

– Любопытно, как они попали к троллям? – сказал Торин, с новым интересом разглядывая мечи.

– Не могу сказать, – ответил Эльронд, – но можно догадаться, что ваши тролли ограбили других грабителей или натолкнулись в горах на севере на остатки древних грабежей. Я слышал, что в покинутых пещерах Мории лежит еще много забытых сокровищ, оставшихся после войны гномов с гоблинами.

Торин обдумал эти слова.

– Я буду почитать этот меч, – сказал он. – Пусть он опять рассекает гоблинов!

– Вероятно, это пожелание вскоре исполнится в горах! – заметил Эльронд. – Но покажите мне вашу карту.

Он взял карту и долго разглядывал ее, потом покачал головой, потому что не одобрял любви гномов к драконам, ненавидел злобных драконов и горевал, вспоминая руины города Дейла, его звонкие колокола и обгоревшие берега веселой реки Бегущей. На небе горела ярким полумесяцем луна. Эльронд поднял карту, и на нее упал белый лунный свет.

– А это что? – спросил он. – Тут есть лунные буквы. Они рядом с простыми рунами, которые означают «дверь пяти футов высотой, и трое могут пройти в них в ряд».

– А что такое лунные буквы? – возбужденно спросил хоббит.

– Лунные буквы – это руны, но их невозможно увидеть, – ответил Эльронд, – когда просто смотришь на них. Их можно увидеть, только когда за ними светит луна, причем в то же время года и при той же фазе луны, когда они были написаны. Их изобрели гномы и записывали серебряными перьями, как могут подтвердить твои друзья. Должно быть, эти буквы написаны когда-то давно в Иванов день при луне в форме полумесяца.

– А что тут написано? – в один голос спросили Гандалв и Торин; они были чуть раздражены тем, что буквы первым увидел Эльронд, хотя, конечно, у них не было такой возможности, да и неизвестно когда представилась бы новая.

– Встань у серого камня, когда пропоет дрозд, – прочел Эльронд, – солнце, садящееся в Дюрин день, упадет на замочную скважину.

– Дюрин, Дюрин! – воскликнул Торин. – Это отец отцов одного из двух народов гномов – Длиннобородых гномов. И он предок моих дедов.

– А что такое Дюрин день? – спросил Эльронд.

– Первый день Нового года у гномов, – сказал Торин. – Как всем известно, это первый день последней луны осени на пороге зимы. Мы называем день, когда последняя луна осени видна одновременно с солнцем, днем Дюрина. Но, боюсь, это нам не поможет: в наше время не умеют определять, когда приходит такой день.

– Посмотрим, – ответил Гандалв. – Еще что-нибудь написано?

– Ничего такого, что видно при луне, – сказал Эльронд и вернул карту Торину; потом все пошли на берег реки и смотрели, как танцуют эльфы в Иванов день.

Следующее утро – утро дня середины лета – оказалось прекрасным и свежим, как во сне: голубое небо без единого облачка, и солнце плясало, отражаясь в воде. Путники отъехали, сопровождаемые прощальными песнями и пожеланиями удачи, готовые к новым приключениям, зная, по какой дороге они могут пересечь Туманные горы и достичь земли за ними.

Глава четвертая

Через гору и под горой

Много троп ведет к горам и через них. Но большинство этих троп обманные и ведут в никуда или к беде. И поджидают на них страшные чудовища и ужасные опасности. Гномы и хоббит, с помощью советов Эльронда и знаний Гандалва, выбрали нужную тропу, ведущую к правильному переходу.

Много дней после того, как они выбрались из долины, в которой оставался Последний Домашний Приют, дорога продолжала карабкаться вверх и вверх. Тропа была трудная и опасная, извилистая, одинокая и длинная. Теперь, когда путники оглядывались, им далеко внизу видны были оставшиеся позади земли. Бильбо знал, что далеко на западе, где все сливалось в синеватой дымке, находится его родина, где все так удобно и безопасно, где его маленькая уютная нора. Бильбо вздрогнул. Вверху становилось холодно, и среди скал свистел резкий ветер. Время от времени по склонам горы скатывались камни, освобожденные растаявшим на солнце снегом, и пролетали между путников (что было удачно) или над их головами (что пугало). Ночи проходили тяжело, было холодно, путники не пели и громко не разговаривали, потому что слова их подхватывало странное эхо, а тишина, казалось, гневалась на то, что ее нарушили какие-то звуки, кроме шума воды, воя ветра и стука камней.

«Внизу лето, – думал Бильбо, – сено косят, пикники. Еще до того, как мы начнем спускаться по ту сторону, начнут убирать урожай и собирать ягоды». Остальные тоже были настроены мрачно, хотя когда прощались с Эльрондом утром в день середины лета, все были оживлены и весело говорили о переходе через горы и быстрой поездке по землям за ними. Они надеялись к началу осени попасть к потайной двери в Одинокую Горе – «И, может быть, это будет Дюрин день», – говорили они. Только Гандалв тогда покачал головой и промолчал. Гномы много лет не ходили этим путем, а Гандалв ходил и знал, какое зло и какие опасности выросли и процветают в Дикой местности с тех пор, как драконы изгнали оттуда людей, а гоблины втайне расселились и захватили шахты Мории. Даже продуманные планы мудрых колдунов, как Гандалв, и добрых друзей, как Эльронд, иногда не сбываются, если вы оказываетесь в опасной Дикой местности; и Гандалв был достаточно мудр, чтобы понимать это.

* * *

Он знал, что может произойти что-нибудь неожиданное, и не надеялся, что им удастся перевалить через мощные высокие горы с одинокими вершинами и долинами, в которых когда-то правили короли, без опасных приключений. Так и получилось. Все шло хорошо, пока однажды они не попали в грозу – это была даже не гроза, а громовая битва. Вы знаете, какими страшными могут быть грозы внизу, на равнинах и в речных долинах; особенно когда встречаются и сталкиваются две грозовые тучи. Но еще ужаснее гром и молнии в горах ночью, когда встречаются и начинают сражаться ветры с запада и востока. Молнии ударяют в вершины, скалы дрожат, громовые раскаты разрывают воздух, катятся и отдаются в пещерах и низинах; тьма заполняется подавляющим гулом и неожиданными вспышками света.

Бильбо никогда такого не видел и даже представить себе не мог. Они находились высоко на горной тропе, с одной стороны открывалась глубокая пропасть. На ночь укрылись под нависающей скалой, и хоббит лежал под одеялом и дрожал с головы до ног. Выглядывая из-под одеяла при вспышках молнии, путники видели за ущельем каменных гигантов, которые играли, швыряя друг в друга камни, ловили их или бросали вниз, где они сбивали деревья или с громким стуком раскалывались на кусочки. Потом начался ветер и дождь, и ветер хлестал дождь и

разносил во всех направлениях, так что нависающая скала ни от чего не могла защитить. Скоро все промокли; пони стояли, опустив головы и свесив хвосты между ног; некоторые ржали от страха. Слышно было, как улюлюкают и вопят каменные гиганты на горных склонах.

– Так не пойдет! – сказал Торин. – Если нас не снесет ветром, не затопит дождем, не убьет молнией, какой-нибудь гигант подхватит нас и швырнет в небо вместо мяча.

– Ну, если знаете что-нибудь получше, отведите нас туда, – сказал Гандалв, который был мрачен: ему самому не очень нравились эти гиганты.

В конце концов отправили Кили и Фили осмотреться и поискать убежище получше. Эти гномы были моложе остальных лет на пятьдесят и обладали острым зрением; обычно они получали всевозможные задания (если было понятно, что нет смысла посылать Бильбо). «Если хочешь найти что-нибудь, посмотри и обязательно найдешь», – сказал Торин молодым гномам. Конечно, найдешь, если будешь искать, но не всегда то, что ищешь. Так оказалось и в этот раз.

Скоро Фили и Кили вернулись, держась от ветра за камни.

– Мы нашли сухую пещеру, – сказали они, – недалеко за поворотом; туда войдут и пони.

– Вы хорошо ее осмотрели? – спросил колдун, который знал, что пещеры в горах обычно бывают заняты.

– Да, да! – ответили гномы, хотя все знали, что на это у них не было времени: слишком быстро они вернулись. – Она совсем небольшая и уходит неглубоко.

В этом, конечно, опасность пещер: вы никогда не знаете, насколько глубоко они уходят, или куда ведет их проход, или что поджидает вас внутри. Но новость, которую принесли Фили и Кили, казалась хорошей. Поэтому все встали и приготовились выходить. Ветер выл, гром гремел по-прежнему, и путникам с трудом удалось вывести пони. Но пещера действительно оказалась недалеко, и вскоре они увидели выступающую на тропу большую скалу. Если ее обойти, открывалась арка, ведущая в глубину горы. Было достаточно места, чтобы протолкнуть пони, когда их разгрузили и расседлали. Путники прошли под аркой и с удовольствием услышали, что ветер и гром остались снаружи и они теперь в безопасности от гигантов и их камней. Но колдун не хотел рисковать. Он зажег свой посох – как в тот день в столовой Бильбо, если припоминаете; казалось, это было так давно, – и при его свете путники осмотрели пещеру от одного конца до другого.

Она была приличного размера, но не слишком большая и не таинственная. С сухим полом и удобными нишами. В одном конце было достаточно места для пони; тут они и стояли (очень довольные переменной), от них шел пар, и они уткнулись носами в мешки с кормом. Ойн и Глойн думали разжечь костер, чтобы высушить одежду, но Гандалв даже слышать об этом не захотел. Поэтому все расстелили мокрые вещи на полу и достали сухие из седельных сумок; потом поудобнее закутались в одеяла, зажгли трубки и принялись пускать кольца, которые для забавы Гандалв окрашивал в разные цвета и пускал под потолок плясать. Говорили и говорили, забыли о грозе, обсуждали, что каждый сделает со своей долей сокровищ (когда получат их, что в тот момент не казалось невозможным); и так один за другим уснули. В последний раз видели они своих пони, сумки, багаж, инструменты и все прочее, что привезли с собой.

Оказалось в конце концов, им повезло, что они захватили с собой маленького Бильбо. Потому что он почему-то долго не мог уснуть; а когда уснул, то снились ему кошмары. Ему снилось, что щель в задней стене пещеры все расширяется и расширяется, и он очень испугался, но не мог произнести ни слова или крикнуть и только лежал и смотрел. Потом ему снилось, что пол пещеры опускается и он скользит вниз – начинает падать в глубину, далеко, далеко, бог знает куда.

Тут Бильбо, вздрогнув, проснулся и обнаружил, что его сон отчасти осуществляется наяву. В дальней стене пещеры открылась щель и уже превратилась в широкий проход. И хоббит успел заметить, как в проходе исчезает хвост последнего пони. Конечно, он тут же заорал, а хоббиты могут кричать очень громко, что удивительно для их небольших размеров.

И тут, не успели бы вы проговорить слово, из прохода повалили гоблины, огромные уродливые гоблины, множество гоблинов. Их приходилось по крайней мере по шестеро на каждого гнома и еще двое на Бильбо; и всех похватили и потащили в проход, прежде чем вы успели бы сказать еще одно слово. Но Бильбо его крик принес хоть какую-то пользу. Хоббит мгновенно очнулся, а когда гоблины попытались его схватить, в пещере вспыхнул свет, запахло порохом, и несколько гоблинов упали.

Щель со стуком закрылась, и Бильбо вместе с гномами оказались по другую ее сторону! Где Гандалв? Ни они, ни гоблины этого не знали, а гоблины не стали дожидаться, чтобы узнать. Они схватили Бильбо и гномов и потащили их. Было совершенно темно, и только гоблины, живущие в самом сердце горы, могли хоть что-то видеть. Проходы пересекались и расходились во всех направлениях, но гоблины знали дорогу, как вы знаете путь к ближайшему почтовому отделению. Путь вел все вниз и вниз, становилось ужасно душно. Гоблины обращались с пленниками очень грубо, немилосердно щипали их; они хихикали и смеялись своими ужасными каменными голосами; и Бильбо чувствовал себя даже хуже, чем когда тролль схватил его за ноги. Он снова и снова жалел о своей милой светлой хоббичьей норе. И не в последний раз.

Но вот впереди показался красный свет. Гоблины запели, вернее захрипели в такт шлепанью ног по камню и трясся при этом пленников.

*Хлоп! Шлеп! Черный треск!
Хватай, держи! Щипай, ударь!
И вниз, вниз, в гоблиний город
Ты отправляешься, мой малыш!*

*Хруст, хруст! Гром, треск!
Молот и клещи! Молотки и гонги!
Бейте, бейте глубоко под землей!
Хо-хо, мой малыш!*

*Свист и шелест! Хлопанье бича!
Бей и стучи! Кричи и блей!
Работай, работай! Не смей уклоняться,
Пока гоблины пьют и смеются,
Дальше, дальше под землю
Вниз, мой малыш!*

Звучало это ужасно. Стены эхом отдавались на хлопок, шлеп и на хруст, хруст на гнусный смех их хо-хо, мой малыш! Общий смысл песни был совершенно ясен, потому что теперь гоблины достали хлысты и стали шлепать ими, издавая свист... И заставляли пленников из всех сил бежать перед собой; и уже не один гном кричал и блеял. И тут они вбежали в огромную пещеру.

Пещера была освещена горевшим посредине большим красным костром, а также развешанными по стенам факелами и была полна гоблинов. Все они смеялись, топали, хлопали в ладоши, когда вбежали гномы (последним бедный маленький Бильбо, он оказался ближе всех к хлыстам), а погонщики-гоблины орали и хлопали сзади хлыстами. Пони уже стояли в углу; здесь же валялись все сумки и мешки путников, раскрытые: гоблины успели в них порыться, и вынюхать, и прощупать пальцами, и поссориться из-за их содержимого.

Боюсь, гномы в последний раз видели своих замечательных маленьких пони, включая веселого крепкого белого малыша, которого Эльронд дал Гандалву, потому что конь не годится для горных троп. Потому что гоблины едят и лошадей, и пони, и ослов (и других, гораздо более

отвратительных животных), и они всегда голодны. Но в данный момент, однако, пленники думали только о себе. Гоблины заломили им руки за спину, связали одной цепью, выстроили в ряд и потащили в дальний угол пещеры, причем Бильбо болтался в конце ряда.

Здесь, в тени большого плоского камня, сидел рослый гоблин с огромной головой; его окружали другие гоблины, вооруженные топорами и кривыми саблями. Все гоблины жестоки, злы и раздражительны. Они не умеют делать красивые вещи, но делают много хитрых и коварных. Они могут прокладывать туннели и шахты, как самые искусные гномы, когда им взбредет в голову; обычно они очень неаккуратные и грязные. Они прекрасно изготавливают молоты, топоры, мечи, кинжалы, щипцы, клещи и другие орудия пыток или заставляют пленников и рабов делать инструменты по своим чертежам, и эти несчастные работают, пока не умирают от недостатка воздуха и света. Весьма вероятно, что именно они изобрели механизмы, которые привели в ужас мир, особенно хитроумные приспособления для убийства одновременно большого количества людей, потому что их всегда зачаровывали колеса, и машины, и взрывы; и они всегда любили заставлять других работать на себя; но в те дни и в тех местах они еще не достигли такого передового уровня (так они это называли). Их ненависть к гномам не была исключением; они ненавидели всех и каждого, и особенно процветающих и порядочных; в некоторых местах злые гномы даже заключали с ними союзы. Но у них были свои счеты с народом Торина из-за войны, которая уже упоминалась, но о которой в этой сказке не идет речь; и во всяком случае гоблинам все равно, кого захватить, лишь бы это было сделано коварно и тайно и пленники оказались неспособны защищаться.

– Кто эти жалкие типы? – спросил Верховный Гоблин.

– Гномы и еще вот этот! – ответил один из гоблинов и потянул Бильбо за цепь, так что хоббит упал на колени. – Мы нашли их прячущимися от бури на нашем переднем крыльце.

– Что это значит? – спросил Верховный Гоблин, обращаясь к Торину. – Конечно, ничего хорошего! Думаю, вы шпионили за моим народом! И не удивлюсь, если узнаю, что вы воры! Убийцы и друзья эльфов, что тоже вероятно! Давайте! Что вы можете сказать?

– Торин, гном, к вашим услугам, – ответил Торин. Но это была только вежливая фраза. – Мы не имеем представления, о чем вы говорите. Мы увидели удобную пещеру, в которой можно переждать бурю; и думать не думали о беспокойных гоблинах. – И это было совершенной правдой.

– Гм, – сказал Верховный Гоблин. – Это вы так говорите! А могу ли я спросить, что вам вообще понадобилось в горах, и откуда вы явились, и куда направлялись? Я хотел бы все о вас знать. Конечно, ничего хорошего вам это не принесет, Торин Оукеншилд; я и так слишком много знаю о вашем народе; но отвечайте правду, или я приготовлю для вас что-нибудь особенно неприятное!

– Мы ехали навестить своих родственников, племянников и племянниц, а также двоюродных и троюродных братьев и других потомков наших дедов, которые живут на восток от этих поистине гостеприимных гор, – ответил Торин, не зная, что еще сказать в этот момент, когда правда явно не подходит.

– Он лжет, о грозный! – сказал один из погонщиков. – Несколько наших задержались в пещере, когда мы приглашали эти существа спуститься к нам; их поразило молнией, и они все мертвы, как камни. И еще он не объяснил это! – И гоблин протянул меч Торина, взятый в логове троллей.

Верховный Гоблин, увидев меч, испустил гневный крик; его солдаты оскалили зубы, забили в щиты и затопали. Они сразу узнали меч. Он погубил сотни гоблинов, когда прекрасные эльфы Гондолина охотились на них в горах или сражались у стен. Эльфы называли меч Оркрест, или Разрубающий Гоблинов, но сами гоблины называли его просто Кусачий. Они ненавидели этот меч и еще больше ненавидели того, кто его носит.

– Убийцы и друзья эльфов! – завопил Верховный Гоблин. – Рубите их! Бейте их! Кусайте их! Грызите их! Бросьте в темные норы, полные змей, и пусть они никогда больше не увидят света! – Он пришел в такой гнев, что соскочил со своего сиденья и бросился на Торуна, разинув пасть.

И в этот момент все огни в пещере погасли, костер превратился в столб синего дыма, который уходил к самой крыше и бросал на гоблинов обжигающие белые искры.

Крики и вопли, хрипение, бормотание и завывания; вой, ворчание и проклятия; пронзительные визги – последующее превосходит всякое описание. Если бы несколько сотен диких кошек и волков поджаривали вместе, они не издали бы такой шум. Искры прожигали в гоблинах дыры, и дым, который спускался теперь с потолка, закрыл все таким густым облаком, что даже гоблины ничего не видели. Вскоре они попадали, грудami катались по полу, кусались, дрались, пинались, словно сошли с ума.

Неожиданно меч вспыхнул собственным светом. Бильбо видел, как он пронзил Верховного Гоблина, который оцепенел от гнева. Гоблин упал замертво, а солдаты разбежались перед мечом и исчезали в темноте.

Меч вернулся в ножны.

– Быстрее за мной! – произнес спокойный свирепый голос; и прежде чем Бильбо понял, что происходит, он уже снова бежал, как только мог, в конце ряда, бежал по темным проходам, и крики гоблинов затихали вдали. Их вел слабый свет.

– Быстрее, быстрее! – торопил голос. – Скоро они зажгут факелы.

– Минутку! – сказал Дори, настоящий товарищ. Он бежал перед Бильбо. Связанными руками он помог хоббиту забраться к себе на плечи, и они побежали дальше, звеня цепями и часто спотыкаясь, так как не могли держаться за стены руками. Не скоро они остановились и к этому времени углубились, должно быть, в самое сердце гор.

Тут Гандалв зажег свой посох. Конечно, это был Гандалв; но тогда все были слишком заняты, чтобы спрашивать, откуда он взялся. Колдун снова извлек свой меч, и он снова вспыхнул собственным огнем. Меч сверкал от гнева, если поблизости оказывались гоблины; теперь он горел ярким голубым пламенем, радуясь убийству повелителя гоблинов в большой пещере. Ему ничего не стоило разрубить гоблиньи цепи и освободить пленников. Если помните, этот меч звался Гламдринг, или Молотящий Врага. Гоблины называли его Колотун и ненавидели даже больше, чем Кусящего, если это возможно. Оркрист тоже был спасен, потому что Гандалв прихватил и его, отобрав у пришедших в ужас стражников. Гандалв многое предвидел; и хоть все сразу сделать не мог, был очень полезен друзьям, попавшим в трудное положение.

– Все здесь? – спросил он, с поклоном возвращая меч Торуна. – Посмотрим: один – это Торин; два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать; а где Фили и Кили? А, вот они – двенадцать, тринадцать. А вот и мистер Бэггинс – четырнадцать! Ну-ну! Могло быть гораздо хуже. Но, с другой стороны, могло быть и гораздо лучше. Нет пони, и нет еды, и мы не знаем, где находимся, и за нами орды рассерженных гоблинов. Вперед!

И они пошли дальше. Гандалв был совершенно прав: вскоре сзади послышался шум и страшные крики гоблинов. Это заставило путников двигаться еще быстрее, и бедный Бильбо не мог бы выдержать и половину такой скорости, потому что гномы умеют бегать необыкновенно быстро, могу сказать вам, когда это нужно, – но они по очереди несли его на спинах.

Но гоблины все равно быстрее гномов, а эти гоблины к тому же лучше знали дорогу (они сами проложили эти проходы) и были ужасно сердиты, и вот, как они ни старались, гномы слышали крики гоблинов за собой все ближе и ближе. Скоро стал слышен даже топот гоблиньих ног, многих ног, которые, казалось, находятся тут же, сразу за последним поворотом. В туннеле, по которому они бежали, сзади показался красный отсвет факелов; а гномы смертельно устали.

– Зачем, ну зачем я оставил свою хоббичью нору! – Бедный мистер Бэггинс подпрыгивал вверх и вниз на спине Бомбура.

– Зачем, ну зачем мы взяли этого жалкого маленького хоббита на охоту за сокровищами! – сказал бедный Бомбур; он был толст, и пот капал с его носа – от жары и ужаса.

В этот момент Гандалв отстал, и Торин вместе с ним. Они свернули за угол.

– У поворота! – закричал Гандалв. – Доставайте меч, Торин!

Больше ничего нельзя было сделать; но гоблинам это не понравилось. Они с криком выбежали из-за поворота и обнаружили перед своими изумленными взглядами Разрубающего Гоблинов и Молотящего Врага, которые сверкали холодным ярким светом. Передние уронили факелы и крикнули, прежде чем были убиты. Задние закричали еще громче и отскочили назад, сбивая с ног тех, кто бежал за ними.

– Кусачий и Колотун! – кричали они; вскоре все пришли в смятение, и большинство гоблинов побежали назад, туда, откуда пришли.

Прошло много времени, прежде чем кое-кто из них решился снова заглянуть в этот страшный угол. К этому моменту гномы ушли далеко вперед по темным туннелям владений гоблинов. Когда гоблины обнаружили это, они погасили факелы, и ступали неслышно, и выбрали самых быстрых бегунов с самым острым зрением и слухом. Те побежали вперед, быстрые, как ласки в темноте, и производили шума не больше летучих мышей.

Поэтому ни гномы, ни Бильбо, ни даже Гандалв не слышали их приближения. И не видели их. Но гоблины их видели и неслышно шли за ними, потому что посох Гандалва испускал слабый свет, чтобы гномы могли разглядеть дорогу.

И вдруг совершенно неожиданно Дори, который опять нес Бильбо, схватили сзади из темноты. Дори закричал и упал; хоббит покатился в темноту, ударился головой о камень и больше ничего не помнил.

Глава пятая

Загадки во тьме

Открыв глаза, Бильбо не понял, где находится: было так же темно, как с закрытыми глазами. Поблизости никого не было. Только вообразите себе его испуг! Он ничего не видел, ничего не слышал и ощущал только каменный пол.

Он медленно встал на четвереньки и пополз, ощупывая все вокруг, пока не коснулся стены туннеля; но ни выше, ни ниже ничего не обнаружил; вообще ничего: ни следа гномов, ни следа гоблинов. Голова у него кружилась, и он не был уверен даже в направлении, в котором они шли до падения. Бильбо попытался угадать направление и пополз. Полз он довольно долго, как вдруг под рукой у него оказалось маленькое кольцо холодного металла, лежащее на полу туннеля. Это был поворотный пункт всей жизни хоббита, но Бильбо этого не знал. Почти не раздумывая, он положил кольцо в карман; в данный момент оно казалось совершенно бесполезным. Дальше Бильбо не пошел, а сел на холодный пол и надолго отдался мыслям о своем жалком положении. Он вспоминал, как жарил у себя на кухне яйца со свининой – потому что чувствовал, что давно настала пора для того, чтобы поесть; но эти мысли делали его еще несчастней.

Он не мог придумать, что ему делать; не мог понять, что произошло; почему его оставили; или если его оставили, почему его не схватили гоблины; и даже почему у него так болит голова. А правда заключалась в том, что он пролежал неподвижно, лишившись сознания, в очень темном углу довольно долго.

Немного погодя он порылся в поисках трубки. Она не сломалась, и это было уже кое-что. Бильбо пощупал кисет: в нем оказалось немного табака, а это еще лучше. Затем он поискал спички, но ни одной не нашел, и это совершенно разбило его надежды. Может, так даже лучше, подумал он, немного придя в себя. Кто знает, кто выполз бы из темных нор на запах табака и свет спичек? Тем не менее ненадолго Бильбо почувствовал себя совершенно разбитым. Но ощупывая себя и роясь в карманах, он коснулся рукой маленького меча – кинжала, отобранного у троллей, о котором он совершенно забыл. Да и гоблины его не заметили, потому что хоббит носил меч в брюках.

Теперь он его извлек. Лезвие слабо светилось у него перед глазами.

«Значит, это тоже эльфское оружие, – подумал Бильбо. – И гоблины недалеко, но в то же время и не очень близко».

Почему-то Бильбо почувствовал себя спокойнее. Великолепно носить лезвие, выкованное в Гондолине для войн с гоблинами, войн, о которых сложено столько песен; к тому же он заметил, что такое оружие производит сильное впечатление на гоблинов, когда они неожиданно на него натываются.

«Вернуться? – подумал он. – Ни за что! Пойти по боковому туннелю? Невозможно! Идти вперед? Единственное, что остается! Вперед!» И вот он встал и пошел, держа перед собой маленький меч и одной рукой трогая стену, и сердце у него колотилось изо всех сил.

* * *

Теперь Бильбо действительно очутился в трудном положении. Но помните, что для него оно было не таким трудным, как для меня или для вас. Хоббиты не похожи на людей; хотя их норы, красивые приятные жилища, хорошо проветриваемые, отличаются от туннелей гоблинов, все же хоббиты больше людей привыкли к туннелям и нелегко утрачивают под землей чувство направления – конечно, когда придут в себя от удара по голове. И еще они могут пере-

двигаться совершенно бесшумно, прекрасно восстанавливаются после падений и ушибов, и у них множество мудрых высказываний и речений, которые люди никогда не слышали или давно забыли.

Но все равно я не хотел бы оказаться на месте мистера Бэггинса. Туннель, казалось, тянется без конца. Бильбо знал только, что продолжает идти все в том же направлении, несмотря на один-два изгиба и поворота. Время от времени попадались туннели, ведущие в стороны, которые он видел при свете меча или чувствовал, касаясь рукой стены. Он не обращал на них внимания и торопился пройти мимо, опасаясь появления гоблинов или неведомых темных существ. Бильбо продолжал идти все вперед и спускался все ниже и ниже; и по-прежнему не слышал ни звука, кроме редкого шороха крыльев летучей мыши; эти звуки сначала пугали его, но потом стали слишком частыми, чтобы из-за них вздрагивать. Не знаю, сколько времени он держался; ему не хотелось идти, но он боялся остановиться и все больше и больше уставал. Казалось, уже наступило завтра, а он будет продолжать идти до конца жизни.

Неожиданно без всякого предупреждения он с всплеском вступил в воду! Уф! Она оказалась ледяной. Бильбо сразу пришел в себя. Он не знал, лужа ли это на пути, край подземного ручья, пересекающего туннель, или глубокое и темное пещерное озеро. Меч почти не испускал сияния. Хоббит остановился и, когда прислушался, услышал как-кап-кап с невидимой крыши в воду; но других звуков как будто не было.

«Итак, это пруд или озеро, а не подземная река», – подумал он. Но идти вброд в темноте Бильбо не решался. Плавать он не умел; к тому же он подумал об отвратительных скользких существах со слепыми выпученными глазами, извивающихся в воде. В прудах и озерах в сердце гор живут странные создания: рыбы, предки которых заплывли в подземелье бог знает когда, но так и не выплыли, а глаза их становились все больше, и больше, и больше от попыток видеть в черноте; и еще другие существа, еще более скользкие, чем рыбы. Даже в туннелях и пещерах, которые вырубili для себя гоблины, живут неведомые твари, которые пробрались снаружи и залегли во тьме. А некоторые пещеры возникли задолго до появления гоблинов, которые их только расширили и соединили проходами, а первоначальные владельцы пещер все еще скрываются по углам, вынюхивая и высматривая.

В глубине внизу, у темных вод жил старый Голлум. Не знаю, откуда он пришел или кем был. Он был Голлум – темный, как тьма, за исключением двух больших круглых бледных глаз. У него была лодка, и он неслышно плавал в ней по озеру; потому что это было озеро, широкое, глубокое и смертельно холодное. Голлум греб большими плоскими лапами, свисающими по бокам, но никогда не поднимал даже рябь. Не он. Он искал своими бледными глазами слепую рыбу, которую хватал длинными пальцами, быстрыми, как мысль. Ему нравилось и мясо. Мясо гоблинов он считал хорошим, когда мог его заполучить; но он очень заботился, чтобы гоблины его никогда не нашли. Просто шел за гоблином следом, если тот приходил в одиночку и приближался к краю воды. Но гоблины редко так делали: они чувствовали, что внизу, у самых корней гор, таится что-то страшное. Когда-то давно, прокладывая туннели, они вышли к озеру и обнаружили, что дальше идти не могут; так что их дорога в этом направлении здесь заканчивалась, и у них не было причин приходить сюда – если только их не посылал Верховный Гоблин. Иногда ему хотелось рыбы из озера – и иногда ни гоблин, ни рыба не возвращались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.